

ДЖОНАТАН СТРАУД

Кольцо Соломона

Еще одна история
о БАРТИМЕУСЕ!

Трилогия Бартимеуса

Джонатан Страуд
Кольцо Соломона

«ЭКСМО»

Страуд Д.

Кольцо Соломона / Д. Страуд — «Эксмо», — (Трилогия
Бартимеуса)

ISBN 978-5-699-53509-5

Известно, что волшебники любят призывать духов и сваливать на них всякую черную работу: строить дворцы, сражаться с врагами, искать сокровища и так далее. Царь Соломон, например, при помощи простого колечка мог запросто призвать несметные полчища этих трудолюбивых существ. Неудивительно, что царство его процветало. Кстати, помните Бартимеуса? Того джинна, у которого язык без костей. Он еще был замешан в историях с Амулетом Самарканда и Глазом Голема и имел самое непосредственное отношение к открытию Врат Птолемея. Так вот, Бартимеус не зря хвастался, что беседовал с царем Соломоном. Он умолчал лишь о том, при каких обстоятельствах проходила эта беседа, и о своей роли в событиях, едва не закончившихся весьма скверно для всего Древнего мира. Это не продолжение знаменитой «Трилогии Бартимеуса». Это ее начало, предыстория. Не менее захватывающая.

ISBN 978-5-699-53509-5

© Страуд Д.
© Эксмо

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	14
Часть вторая	19
4	19
5	24
6	28
7	34
8	39
9	44
10	50
11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Джонатан Страуд

Кольцо Соломона

Часть первая

1

Бартимеус

Закат над оливковыми рощами. Небо, точно стыдливый отрок после первого поцелуя, налилось персиковым румянцем. В распахнутые окна веял легчайший ветерок, несущий вечерние ароматы. Ветерок шевелил волосы юной девы, что одиноко и задумчиво стояла на мраморном полу, и развевал ее одеяние, заставляя его облегать стройные, смуглые формы.

Дева подняла руку; тонкие пальцы кокетливо потеряли локон на шее.

– Отчего ты так застенчив, господин мой? – мурлыкнула она. – Подойди ближе, дозволю мне взглянуть на тебя!

Старик, стоявший в противоположном пентакле, опустил восковой цилиндр, который держал в руке, и воззрился на меня своим единственным глазом.

– Клянусь великим Иеговой, Бартимеус! Неужто ты думаешь, будто это может подействовать на меня?!

Мои ресницы призывно затрепетали.

– Я еще и станцую, ты только подступи поближе, хотя бы на шаг! Ну давай побалуешь себя! Я спляшу тебе танец Семи Покрывал!

– Нет уж, благодарю! – раздраженно ответил волшебник. – И это тоже прекрати, будь любезен!

– Прекратить? Что именно?

– Ну, вот это! Прекрати так вихляться! Время от времени ты... Ну вот! Опять ты!

– Да брось, морячок, одна живем! Чего ты жмешься? Что тебя пугает?

Мой хозяин выругался.

– Возможно, когти на твоей левой ноге. Возможно, твой чешуйчатый хвост. Возможно, также и то, что даже новорожденный младенец знает: нельзя выходить из защитного круга, когда тебе это предлагает лукавый, злобный, двуличный дух вроде тебя! Ныне же замолчи, проклятая воздушная тварь, и оставь свои жалкие искушения, а не то я поражу тебя такой казнью, какой не ведал и Египет издревле!

Старикан заметно перевозбудился, запыхался совсем, седые волосы торчат дыбом во все стороны. Он достал из-за уха свой стилус и мрачно сделал пометку на цилиндре.

– Я отметил твое имя, Бартимеус! – сказал он. – Это уже вторая пометка! И если строка заполнится до конца, ты навсегда будешь вычеркнут из списка тех, кто заслуживает особых поблажек, понял? Никаких больше жареных бесов, никаких отпусков, ничего! Ладно, к делу. У меня есть для тебя работа.

Дева в пентакле сложила руки на груди и наморщила очаровательный носик.

– Я же только что выполнил для тебя работу!

– Ну да, а это еще одна!

– Я выполню ее, когда отдохну.

– Нынче же ночью!

– А почему именно я? Отправь, вон, Туфека или Ризима.

Ослепительный зигзаг фиолетовой молнии вырвался из указательного пальца старикашки, пересек разделявшее нас пространство, и мой пентакль объяло пламенем. Я взвыл и заметался, не помня себя от боли.

Наконец треск пламени утих, и боль в ногах отпустила. Я кое-как остановился.

– Да, Бартимеус, ты не солгал! – хихикнул старикашка. – Пляшешь ты и впрямь недурно! Ну что, будешь еще перечить мне? Смотри, сейчас одной пометкой на цилиндре станет больше!

– Нет-нет, это совершенно ни к чему!

Я с облегчением увидел, как волшебник медленно сунул стилус за морщинистое ухо. Я энергично хлопнул в ладоши.

– Так что, говоришь, есть новая работенка? Радость-то какая! Какая честь для меня, что ты избрал своего скромного слугу среди стольких достойных и могущественных джиннов! Что же заставило тебя обратить свой взор именно на меня, о великий хозяин? Та легкость, с какой я поверг великана с горы Ливана? Рвение, с которым я обратил в бегство мятежников-хананеев? Или просто моя слава в целом?

Старик почесал нос.

– Вообще-то нет. Скорее твоё вчерашнее поведение: сторожевые бесы видели, как ты в обличье павиана шатался по кустам у Овечьих ворот, распевая похабные песенки про царя Соломона и громко похваляясь своими подвигами.

Дева угрюмо пожала плечиками.

– Может, это и не я был!

– Слова «Бартимеус – лучший из лучших!», повторяемые громко и назойливо, говорят об обратном.

– Ну ладно, ладно! Положим, я перебрал букашек на ужин. Это же никому не причинило вреда!

– Не причинило вреда, говоришь? Стража донесла об этом своему надсмотрщику, тот доложил мне. Я доложил об этом верховному волшебнику Хираму, и, полагаю, с тех пор это достигло ушей самого царя! – Его физиономия сделалась чопорной и надменной. – И царь недоволен!

Я надул щеки.

– А что, лично он мне об этом сказать не может?

Волшебник выпучил свой единственный глаз – это было похоже на яйцо, вылупляющееся из цыпленка¹.

– И ты смеешь предполагать, – вскричал он, – будто великий Соломон, царь Израиля, владыка всех земель от Акабского залива до широкого Евфрата, снизойдет до беседы с жалким, воняющим серой рабом вроде тебя?! Ну и мысль! Я за всю жизнь не слышал ничего столь оскорбительного!..

– Да ладно тебе! Вон только посмотри, на кого ты похож. Наверняка ты слышал много чего похуже!

– Еще две пометки, Бартимеус: за дерзость и за наглость! – Он снова добыл цилиндр и принялся яростно черкать по нему стилусом. – Ну все, довольно с меня этой чепухи. Слушай внимательно. Соломон желает пополнить свое собрание новыми диковинками. Он повелел своим волшебникам обшарить пределы обитаемого мира в поисках прекрасных и могу-

¹ Второй глаз ему вышиб Ризим – это был один из тех редких случаев, когда наш хозяин допустил небольшую ошибку в заклинании. Нам еще пару раз удавалось подпалить ему зад, и на затылке у него остался шрам с того раза, когда я едва не укокошил его удачным рикошетом, но, невзирая на длительную карьеру мага, на протяжении которой он повелевал целой дюжиной грозных джиннов, волшебник и поныне оставался силен и боек. Стреляный воробей, ничего не скажешь! (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, примечания автора.)

щественных вещей. В этот самый миг во всех стенных башнях Иерусалима мои соперники призывают демонов, не менее кошмарных, чем ты, и рассылают их, подобно огненным кометам, за добычей в древние города, к северу, югу, западу и востоку. Все надеются ошеломить царя добытыми сокровищами. Но они будут разочарованы, Бартимеус. Ведь это мы добудем ему прекраснейший дар из всех! Ты понял?

Милая дева приподняла губку; влажно блеснули мои длинные, острые клыки.

– Что, опять грабить могилы? Такими сомнительными делами Соломону следовало бы заниматься самому. Но нет, разумеется, ему, как всегда, нельзя и пальцем шевельнуть, чтобы использовать Кольцо! Как можно быть таким лентяем?

Старик криво улыбнулся. Черная дыра пустой глазницы как будто поглощала свет.

– Любопытные речи ты ведешь! Такие любопытные, что я, пожалуй, сейчас отправлюсь и доложу о них царю. Кто знает? Быть может, он все же снизойдет до того, чтобы шевельнуть пальцем и использовать Кольцо против тебя!

Воцарилась тишина. В комнате сгустились тени, по моей стройной спине пробежал холодок.

– Да нет, ни к чему, – буркнул я. – Добуду я ему это ненаглядное сокровище. Куда ты меня посылаешь-то?

Мой хозяин указал на окна, за которыми перемигивались веселые огоньки нижнего Иерусалима.

– Лети на восток, в Вавилон! – велел он. – В ста милях к юго-востоку от этого жуткого города, в тридцати милях к югу от нынешнего течения Евфрата, лежат некие холмы и древние земляные валы, обнесенные стеной, от которой остались лишь развалины. Местные крестьяне избегают этих руин, страшась призраков, кочевники пасут свои стада подальше от этих курганов. Там ныне обитают лишь религиозные подвижники и другие безумцы, но это место не всегда было таким заброшенным. Некогда у него было имя.

– Эриду, – негромко сказал я. – Как же, знаю².

– Удивительны, должно быть, воспоминания такого существа, как ты, видевшего, как города возводились и рушились во прах... – Старик содрогнулся. – Нет, даже думать об этом не хочу. Но раз ты помнишь это место, тем лучше! Обыщи его руины, найди то, что осталось от храмов. Если древние свитки не лгут, внутри немало тайных святилищ, и кто знает, какие свидетельства былого величия там хранятся! Если повезет, ты обнаружишь часть древних сокровищ непо потревоженными.

– В этом я не сомневаюсь, – заметил я, – учитывая, кто их стережет!

– О да, древние защитили их на славу! – театрально возопил старец, вскидывая руки в показном ужасе. – Кто знает, какие существа до сих пор таятся там? Кто знает, что за твари бродят в руинах? Кто знает, что за жуткие обличья, какие кошмарные чудища... Слушай, прекрати там ковыряться, да еще хвостом! Это негигиенично!

Я выпрямился.

– Ладно, ладно, – проворчал я. – Идея ясна. Я отправлюсь в Эриду и посмотрю, что удастся там раскопать. Но при одном условии: когда я вернусь, ты немедленно отпустишь меня на волю! Никаких споров, никаких уверток. Я слишком долго пробыл на Земле, у меня вся сущность ноет, как гнилой зуб.

Хозяин расплылся в беззубой ухмылке, выпятил подбородок и погрозил мне морщинистым пальцем.

² Эриду Семихрамный, город, белый, как кость, сияющий посреди зеленых полей. Один из первых людских городов. В свое время его зиккураты вздымались выше, чем летает сокол, а аромат пряностей с его рынков ветра разносили до Урука и до моря... Но потом река изменила русло, земля превратилась в пустыню. Люди истощали и сделались жестоки; храмы их обрушились в пыль, и сами они и их прошлое были забыты. Всеми, кроме таких духов, как я. Ну и разумеется, волшебники о них тоже не забывали – когда жажда золота пересиливала в них страх.

– Это все зависит от того, что ты мне принесешь, Бартимеус! Если ты сумеешь произвести на меня благоприятное впечатление, я, быть может, тебя и отпущу. Смотри же не подведи! Ну, готовься, я сейчас свяжу тебя с твоим заданием.

Где-то посреди заклинания под окном зычно затрубил рог – то был сигнал закрытия Кедронских ворот. Издали ему откликнулись часовые с Овечьих ворот, Тюремных ворот, Конских и Водяных ворот, и так по всем городским стенам, пока наконец не протрубил огромный рог на крыше дворца, возвещая, что Иерусалим заперт на ночь и может спать спокойно. Пару лет назад я бы еще понадеялся, что это отвлечет моего хозяина и заставит его сбиться и тогда я смогу ринуться вперед и пожрать его. Сейчас я не тешил себя надеждами. Он был слишком стар и слишком опытен. Чтобы до него добраться, потребуется что-то посерьезнее.

Наконец волшебник произнес последние слова. Тело прелестной девы сделалось текучим и полупрозрачным; какое-то мгновение я висел в воздухе, подобно статуе из шелковистого дыма, а потом беззвучно исчез.

2

Бартимеус

Сколько бы раз ты ни видел ходячих мертвецов, всегда забываешь, какие они на самом деле жалкие и растрепанные. Нет, когда они только вылезают из стены, они смотрятся недурно: на них работают и эффект внезапности, и жуткие провалы глазниц, и скрежет зубовой, и – если заклятие Реанимации сработало на совесть – кошмарные бестелесные вопли. Но потом они принимаются неуклюже гоняться за тобой по всему храму, дергая тазом, сверкая коленными чашечками, топыря костлявые руки, – это, видимо, должно смотреться угрожающе, но выглядит так, как будто они собираются сесть за фортепьяно и выдать забойный рэгтайм. И чем быстрее они бегают, тем сильнее расшатываются у них зубы, а камни ожерелий подпрыгивают и застревают в глазницах. Наконец они начинают спотыкаться о свои погребальные пелены, падать на пол и вообще путаться под ногами у легконогих джиннов, которые мирно идут своей дорогой. Ну и разумеется, как это свойственно скелетам, они не в состоянии выдать ни одной приличной реплики, которая придала бы хоть немного интереса смертельно опасной ситуации, в которой ты находишься.

– Ну же, ребята, – говорил я, висая на стене, – неужели среди вас нет никого, с кем стоило бы поболтать?

Свободной рукой я метнул через зал сгусток плазмы, и под ногами у одного из мечущихся мертвецов разверзлась бездна. Скелет исчез в небытии, я метнулся вверх, оттолкнулся от сводчатого потолка и ловко приземлился на голову статуи бога Энки в противоположном конце зала.

Слева от меня выбрался из своей ниши мумифицированный труп. На нем были лохмотья раба, проржавевшие кандалы и ржавая цепь на иссохшей шее. Скрипя суставами, он ринулся на меня. Я дернул за цепь, голова отлетела. Я поймал ее на лету еще до того, как тело рухнуло наземь, и метнул в живот одному из его пыльных собратьев, аккуратно перебив позвоночник.

Спрыгнув со статуи, я приземлился в самом центре храмового зала. Теперь мертвецы тянулись ко мне со всех сторон. Одевания на них были тонкими и непрочными, как паутина, на запястьях болтались бронзовые обручья. Те, что некогда были людьми – мужчинами и женщинами, рабами и свободными, придворными и послушниками, представителями всех слоев общества Эриду, – перли на меня, щелкая зубами и вскинув желтые зазубренные когти, готовясь растерзать мою сущность.

Я парень культурный и приветствовал их всех, как подобает. Взрыв налево. Судороги направо. Осколки древних людей весело посыпались на майоликовые рельефы с изображениями шумерских царей.

Это дало мне небольшую передышку. Я огляделся по сторонам.

За двадцать восемь секунд, что прошли с тех пор, как я ворвался сюда сквозь потолок, мне еще ни разу не представилось возможности спокойно изучить обстановку, но некоторые вещи сделались ясны с самого начала благодаря декору и общему устройству храма. Во-первых, это был храм Энки, бога воды, – об этом говорила как статуя, так и многочисленные барельефы, где обильно был представлен он сам вместе со своими спутниками, рыбами и водяными драконами, – и храм этот был заброшен как минимум полторы тысячи лет назад³. Во-вторых, за все века, прошедшие с тех пор, как жрецы опечатали двери и покинули город, предоставив

³ На мой опытный взгляд, стиль храма выглядел как позднешумерский (ок. 2500 до н. э.), с легким намеком на древнеавилонский декаданс, хотя, откровенно говоря, летавшие вокруг части тел изрядно мешали оценить его по достоинству.

пескам пустыни невозбранно его замечать, до меня сюда никто не входил. Это было заметно по слою пыли на полу, по нетронутому валуну, перекрывавшему вход, по усердию стражей-покойничков, и, наконец – хотя это-то и было главным, – по статуэтке, что красовалась на алтаре в дальнем конце зала.

То был водяной змей, воплощение Энки, искусно отлитый из чистого золота. Статуэтка тускло поблескивала в свете Вспышек, которые я разбросал во все стороны, чтобы осветить зал, и рубиновые глаза горели злобно, точно тлеющие уголья. Вероятно, она была бесценна даже как просто древнее произведение искусства, но это еще не все. В ней была и магия – странная пульсирующая аура, видимая на высших планах⁴.

Отлично. Стало быть, так и сделаем. Беру змею и сваливаю.

– Простите, простите... – Я вежливо пробирался сквозь толпу мертвецов, время от времени расшвыривая их пылающими Инферно.

Однако из узких ниш во всех стенах лезли все новые и новые. Казалось, этому не будет конца, но ведь тело мое было телом юноши, и движения мои были проворны и уверенны. С помощью заклинаний, тычков и пинков я мало-помалу продвигался к алтарю...

Где и увидел очередную ловушку.

На четвертом плане золотая змея была опутана тончайшими нитями, светящимися изумрудным светом. Даже мне, джинну, увидеть их было непросто⁵. Выглядели они совершенно безобидными, но тревожить их мне не хотелось. Шумерских алтарных ловушек, в принципе, лучше избегать.

Я остановился перед алтарем, погрузившись в размышления. Нет, я знал несколько способов обезвредить подобные нити, и мне ничего не стоило от них избавиться, но для этого требовалось время и место...

От размышлений меня отвлекла острая боль. Опустив глаза, я обнаружил, что некий особенно неприглядный труп (при жизни он, похоже, страдал многочисленными кожными заболеваниями, так что мумификация пошла ему только на пользу) подобрался ко мне вплотную и вонзил зубы в сущность моего предплечья.

Каков храбрец! Нет, этот заслуживал особого обращения! Я дружески сунул руку ему в грудную клетку и разрядил там небольшой Взрыв, направленный вверх. Этот трюк я не пробова́л уже много десятилетий, и выглядел он так же забавно, как всегда. Черепушка мертвеца взлетела вверх, точно пробка из бутылки, хряснулась о потолок, дважды отскочила от стен и (вот тут мне сделалось не до смеха!) брякнулась на землю рядом с алтарем, порвав по пути паутинку светящихся нитей.

Вот как неразумно развлекаться, не закончив дела!

Планы бытия тяжело содрогнулись. Для моего слуха это был всего лишь слабый толчок, однако в Ином Месте он, должно быть, прозвучал раскатом грома.

На миг я застыл совершенно неподвижно: стройный юноша с темной кожей, в белой набедренной повязке раздраженно уставился на извивающиеся обрывки нитей. Потом я выру-

⁴ Семь планов бытия налагаются один на другой, однако все семь доступны лишь высшим, наиболее восприимчивым существам. Таким, как я. На самом деле интеллект и способности существа можно приблизительно оценить на основании того, сколько всего планов оно способно видеть, например: лучшие из джиннов – семь; фолиоты и высшие бесы – четыре; кошки – два; блохи, тараканы, люди, клопы и т. п. – один.

⁵ Разумеется, для взора смертных сторожевые заклатья, подобные этому, всегда незримы, однако со временем на нитях скапливаются мельчайшие частички пыли, наделяя их призрачным присутствием и на первом плане тоже. Это дает находчивым ворам-людям некоторые шансы. Например, древнеегипетский расхититель гробниц Сенедж Воинственный использовал дрессированных летучих мышей, чтобы держать крохотные свечи над теми участками пола, что казались ему подозрительными, и это позволяло обнаруживать еле заметные тени, отбрасываемые накопившейся пылью, и таким образом благополучно обходить ловушки. По крайней мере, так он говорил мне незадолго до того, как его казнили. Взгляд у него был честный, но, право же... летучие мыши... даже и не знаю!

гался на арамейском, еврейском и нескольких других языках, метнулся вперед, схватил статуетку и поспешно отступил назад.

За спиной у меня теснились мертвецы. Я не глядя швырнул в них Потоком, и их размело в разные стороны.

Обрывки нитей у алтаря уже не извивались. Они стремительно растекались во все стороны, образуя на каменных плитах лужу – или портал. Лужа доползла до валяющейся на полу головы мертвеца, и голова медленно провалилась в нее – в небытие, прочь из этого мира. Последовала пауза. Лужа вспыхнула всем многоцветьем Иного Места, только далеким и приглушенным, как будто сквозь грязное стекло.

Ее поверхность содрогнулась. Сейчас что-то будет...

Я развернулся и прикинул расстояние до пролома в потолке, сквозь который я проник сюда: в зал до сих пор стекали ручейки потревоженного песка. Прорытый мной ход небось уже обвалился под тяжестью песка, на то, чтобы выбраться наружу, потребуется время – а времени-то у меня и не было. Сторожевое заклятие действует быстро.

Я нехотя развернулся лицом к portalу. Поверхность лужи растягивалась и выпячивалась. Из нее вынырнули громадные зеленые руки с блестящими прожилками. Когтистые лапищи ухватились за каменные плиты, мускулы напряглись, и в мир вынырнуло тело – кошмарное тело. Голова была человеческой⁶, с длинными, волнистыми прядями черных волос. Следом появился точеный торс из того же зеленого вещества. А следовавшая за ним нижняя часть явно была собрана с бору по сосенке. Оплетенные мышцами ноги были от зверя – возможно, льва или еще какого-нибудь серьезного хищника, – но заканчивались они орлиными когтями. Зад существа был, по счастью, прикрыт юбочкой, и сквозь разрез в юбочке торчал длинный и жуткий скорпионий хвост.

Пока пришелец выбирался из портала и распрямлялся, в зале царил зловещая тишина. Даже оставшиеся мертвецы как-то приутихли.

У существа было лицо шумерского владыки: правильные черты, оливковая кожа, черные волосы, ниспадающие блестящими локонами. Полные губы, квадратная борода умащена маслом. Но глаза у него были как черные дыры, пробитые в плоти. И эти дыры уставились на меня.

– А, Бартимеус! Не ты ли потревожил ловушку?

– Привет, Наабаш. Боюсь, что я.

Существо потянулось так, что суставы хрустнули.

– Ох, ну и зачем же ты это сделал? Ты ведь знаешь, как жрецы относятся к тем, кто тревожит покой храмов и ворует сокровища. Они твои кишки на подтяжки пустят. Ну... точнее, не они, а я.

– Знаешь, Наабаш, по-моему, жрецам теперь нет дела до здешних сокровищ.

– Правда? – Пустые глаза окинули взглядом храм. – Да, тут и впрямь давненько не подметали. Что, много времени прошло?

– Больше, чем ты думаешь.

– Но заклятие-то действует по-прежнему, Бартимеус. Тут уж ничего не поделаешь. «Пока камень стоит на камне и существует наш город...» Ну, дальше ты знаешь.

Скорпионий хвост дернулся с сухим, энергичным треском, из-за плеча Наабаша выпрыгнуло блестящее черное жало.

– Что это у тебя в руках? Никак священный змей?

– Я пока не разглядывал, сперва надо с тобой разобраться.

– А-а, ладно-ладно. Ты всегда был боек, Бартимеус, боек и дерзок не по чину. Не помню, чтобы кого-то бичевали чаще, чем тебя. Как же твоя непочтительность бесила людей!

⁶ Вот видите? Я же говорю, кошмар полный!

Шумерский владыка улыбнулся, обнажив аккуратные двойные ряды остро отточенных зубов. Задние лапы чуть шевельнулись, когти сильнее впились в камень. Я видел, как натянулись связки, готовясь к внезапному прыжку. Я не сводил глаз с его лап.

– И кого же ты донимаешь теперь? – продолжал Наабаш. – Кто твой нынешний работодатель? Вавилоняне, наверное? В последний раз, как я проверял, они явно что-то замыслили. Они всегда зарились на золото Эриду.

Черноглазый юноша пригладил курчавые волосы. Я слабо улыбнулся.

– Я же говорю, времени прошло куда больше, чем ты думаешь!

– А-а, долго ли, коротко, мне все едино! – негромко ответил Наабаш. – Дело есть дело. Священный змей останется здесь, в сердце храма, и невежественные люди не смогут воспользоваться его могуществом.

Надо сказать, что я про этого змея до сих пор ни разу не слышал. На мой взгляд, это был типичный образчик старого хлама, из-за каких начинаются войны между древними городами, кричащая побрякушка, отлитая из золота. Однако полезно все-таки знать, что именно ты украл.

– Могуществом? – переспросил я. – А что он может-то?

Наабаш хмыкнул и с печалью в голосе ответил:

– Да так, ничего особенного. Внутри находится элементаль, которая при нажатии на хвост изрыгает изо рта потоки воды. Жрецы выносили его к народу во времена засухи, чтобы подбодрить людей. Кроме того, если я правильно помню, там внутри еще спрятана пара-тройка механических ловушек, чтобы отпугивать грабителей, которым вздумается отковырять изумруды с когтей. Видишь, там под каждым коготком имеются потайные шарниры...

Тут я сделал ошибку. Убаюканный спокойным тоном Наабаша, я невольно бросил взгляд на змея, которого держал в руках, чтобы посмотреть, что там за шарниры такие.

А ему, разумеется, только того и надо было.

Стоило мне отвести глаза, звериные лапы в мгновение ока согнулись, распрямились – и Наабаш исчез.

Я еле успел отскочить – скорпионий хвост рассек пополам плиту, на которой я стоял. На это мне проворства хватило, но от его руки мне уйти не удалось: громадный зеленый кулак огрел меня по ноге, как только я взмыл в воздух. Этот удар и драгоценный артефакт, который я держал в руке, помешали мне выполнить мой обычный маневр, который я с таким изяществом применяю в подобных ситуациях⁷. Вместо этого я упал, ушибся, перекатился по рассеянным на полу мертвецам и снова вскочил на ноги.

Наабаш тем временем выпрямился с царственным достоинством. Он развернулся в мою сторону, наклонился, уперся в пол человеческими руками – и прыгнул снова. А что же я? Я запустил Судороги в потолок у себя над головой. И отскочил вбок. Скорпионий хвост снова рассек каменные плиты – но на этот раз Наабаш не успел развернуться и достать меня на лету, потому что на него обвалился потолок.

Над погребенным храмом лежали пески пустыни, копившиеся полтора тысячелетия, так что следом за обвалившейся кладкой последовал приятный бонус: могучий серебристо-бурый каскад хлынул на Наабаша, похоронив его под несколькими тоннами песка.

В других обстоятельствах я бы задержался, чтобы громко позлорадствовать над стремительно растущей кучей, но я знал, что Наабаша даже целая гора песку надолго не задержит. Пора было сваливать.

⁷ «Беглое колесо»™, © и т. д. Бартимеус Урукский, ок. 2800 до н. э. Ему часто подражают, но никто еще не сумел превзойти создателя. Этот маневр запечатлен для вечности на росписях гробницы Рамзеса III эпохи Нового Царства: если приглядеться, на заднем плане «Предстояния царской фамилии перед богом Ра» за спиной фараона виден я, укатывающийся прочь.

На плечах у меня выросли крылья. Я метнул вверх еще один Взрыв, чтобы получше расчистить проход, и рванулся сквозь потолок и дождь сыплющегося сверху песка, навстречу ожидающей меня ночи.

3

Бартимеус

Когда я вернулся в Иерусалим, за спиной у меня занимался рассвет. Верхушки башен волшебников уже вспыхнули розовым, и купол белостенного дворца Соломона сиял, точно утреннее солнце.

Башня моего старика, стоявшая пониже, у Кедронских ворот, была еще погружена в тень. Я подлетел к окну на вершине башни, у которого был подвешен бронзовый колокольчик, и позвонил один раз, как мне было приказано. Мой хозяин воспрещал своим рабам заставлять его врасплох.

Звон затих. Мои широкие крылья веяли прохладным, свежим ветром. Я парил в воздухе и ждал, глядя, как проступают из небытия пригородные пейзажи. Долина была темна и безмолвна, заполненная туманом яма, где исчезала выходящая дорога. Внизу, в воротах, показались первые работники; они отправлялись на поля. Люди брели медленно, спотыкаясь на неровных булыжниках. На высших планах были видны сопровождающие их Соломоновы шпионы: на бычьих ярмах ехали фолиоты, в потоках воздуха кувыркалились разноцветные букашки и бесенята.

Шли минуты, и вот наконец восхитительное ощущение – нечто вроде дюжины копий, вонзившихся в нутро, – известило меня о призыве волшебника. Я закрыл глаза, подчинился – и мгновение спустя моя сущность почувствовала на себе затхлое тепло хозяйского жилища.

По счастью, старик, невзирая на ранний час, был облачен в свои одеяния. Одно дело – полный храм ходячих мертвецов, а дряхлый и морщинистый голый хозяин – совсем другое. Он стоял наготове в своем магическом круге, и все печати и руны проклятий, как и прежде, были на месте. Чадили свечки из козьего сала, горшочки с розмарином и ладаном били в нос сладковатой вонью. Я стоял в центре своего пентакля и смотрел на хозяина в упор, держа в нежных ручках золотого змея⁸.

Едва материализовавшись, я понял, как страстно старик жаждет заполучить эту вещь – и не для Соломона, а для себя. Его глаз расширился, алчность заблестела в нем маслянистой пленкой.

Поначалу он не говорил ни слова, только смотрел. Я слегка покрутил змея, чтобы его изгибы соблазнительно засверкали в свете свечей, повернул его так, чтобы волшебнику стали видны рубиновые глаза и изумрудики на растопыренных когтях.

Когда он заговорил, голос у него сделался глухим и хриплым от волнения.

– Ты был в Эриду?

– Я был там, куда ты велел мне отправиться. Я нашел храм. Внутри было это.

Он сверкнул глазом:

– Давай сюда!

Я медлил.

– А ты отпустишь меня, как я просил? Я ведь служил тебе верой и правдой!

Лицо старика исказилось от гнева.

⁸ Я снова принял облик девицы – чтобы быть последовательным, а также потому, что понимал, как сильно это раздражает хозяина. Я по опыту знаю, что большинство волшебников можно зацепить, если выбрать правильный облик. Ну, кроме верховных жрецов Иштар в Вавилоне. Иштар была богиней любви и войны, так что ее волшебников не пугали ни прекрасные девы, ни кошмарные чудища, заляпанные кровью. Увы, это перекрывало большую часть моего репертуара.

– Ты еще смеешь торговаться со мной?! Давай сюда сокровище, демон, или, клянусь своим тайным именем, не пройдет и часа, как ты с воем полетишь в Бедственный Огонь!⁹

Он воззрился на меня, выпучив глаз, выпятив челюсть, на полураскрытых губах блестели белые полоски влаги.

– Ну ладно, – сказал я. – Только смотри не урони!

Я перебросил статуэтку из одного круга в другой, и волшебник протянул ей навстречу растопыренные пальцы. И то ли из-за того, что у него был только один глаз, то ли оттого, что руки у него тряслись от нетерпения, но змея он не удержал: статуэтка выскользнула у него из пальцев и отлетела назад, к краю круга. Старик с воплем перехватил ее и прижал к морщинистой груди.

Это его первое неосторожное движение могло бы стать и последним. Если бы хотя бы кончики его пальцев высунулись за магическую черту, защита была бы нарушена и я бы тут же набросился на него. Однако они буквально на волосок разминулись с границей круга, и прелестная дева, которая на миг сделалась чуточку выше ростом и отрастила чуточку более длинные и острые зубки, разочарованно вернулась в центр своего пентакля.

А старик и не заметил. Он не видел ничего, кроме своего сокровища. Он долго-долго вертел его в руках, точно злобный старый кот, играющий с мышкой, ахал и охал, любуясь искусной работой, и только что слюни не пускал. Через некоторое время меня затошнило от всего этого. Я кашлянул.

Волшебник поднял голову.

– Ну?

– Вот, ты получил то, что просил. Соломон богато наградит тебя за это. Отпусти меня!

Он захихикал:

– Ох, Бартимеус, но у тебя же просто-таки дар к подобным делам! Даже не знаю, стоит ли отпускать столь искусного вора... Стой, стой тихо! Мне нужно как следует изучить эту интереснейшую вещицу. Вот тут, на пальчиках, небольшие шарнирчики... Интересно, для чего они.

– А какая разница? – сказал я. – Ты же собираешься отдать ее Соломону. Вот пусть он и разбирается.

Хозяин выразительно нахмурился. Я ухмыльнулся про себя и уставился в окно, на небо, где еле виднелись утренние патрули, которые кружили на большой высоте, оставляя за собой бледно-розовые хвосты пара и серы. Выглядело недурно, но все это была чистая показуха: ну кто всерьез осмелится напасть на Иерусалим, пока Соломон владеет Кольцом?

Я предоставил волшебнику еще немного поизучать змейку, а потом, по-прежнему глядя в окно, как бы между прочим добавил:

– К тому же он ужасно гневается, если кто-нибудь из его волшебников утаивает столь могущественные талисманы, как этот. Отпустил бы ты меня лучше!

Он, прищурясь, уставился на меня.

– А ты знаешь, что это за талисман?

– Нет-нет!

– Но ведь ты знаешь, что он обладает могуществом!

– Да это любому бесу видно. Ох, я все забываю: ведь ты же всего лишь человек! Тебе не видно, какую ауру распространяет он на седьмом плане... Но как бы то ни было, кто знает, на что он способен? Возможно, такие статуэтки в Эриду изготавливали сотнями – вполне возможно, что это не тот талисман.

⁹ Бедственный Огонь – быстрая и мучительная казнь. Позднее, с тех пор как Зарбустибал Йеменский ее усовершенствовал, она стала называться «Испепеляющее Пламя». Высшая мера наказания для духов, которые попросту отказываются выполнять повеления своего хозяина. Эта угроза в основном и обеспечивает волшебникам наше повиновение (хотя и против нашей воли).

Старик облизнулся. Осторожность боролась в нем с любопытством – и проиграла.

– А что это за «тот талисман»?

– Ну, это уж не мое дело, да и не твое. Я что, ты приказал мне стоять тихо – вот я и стою! Хозяин выругался.

– Я отменяю этот приказ! Говори!

– Нет! – вскричал я, вскинув руки. – Я знаю, что вы за люди, волшебники, и не хочу, чтобы меня втянули в это! С одной стороны, Соломон со своим ужасным Кольцом, с другой – ты, с этим... с этим... – Дева содрогнулась, будто охваченная ужасом. – А я окажусь между вами, и тогда мне точно несдобровать!

В центре протянутой ладони волшебника вспыхнуло голубое пламя.

– Не тяни, Бартимеус! Говори немедленно, что это за талисман, или я обрушу на тебя Кулак Сущности!

– Ты поднимешь руку на женщину?!

– Говори!!!

– Ну ладно, ладно, но имей в виду, не к добру все это! Этот предмет отдаленно напоминает Великого Змея, с помощью которого древние цари Эриду покорили все города на равнине. В этом сокровище скрывался могущественный дух, повинующийся владельцу талисмана.

– А его владелец...

– Наверное, любой, кто держит его в руках. Чтобы вызвать духа, нужно нажать на потайной рычажок.

Волшебник в течение некоторого времени молча смотрел на меня. Наконец он произнес:

– Никогда не слышал о таком. Ты лжешь!

– Ну да, конечно, я лгу! Я же демон, мы всегда лжем. Забудь обо всем этом и отдай талисман Соломону.

– Нет! – ответил старик с внезапной решимостью. – Возьми его!

– Что?

Но было уже поздно: он перебросил змейку в соседний круг, и дева с опаской ее поймала.

– Ты принимаешь меня за глупца, Бартимеус? – воскликнул мой хозяин, топая морщинистой ступней по каменному полу. – Ты небось задумал меня погубить с помощью какой-то ловушки! Ты нарочно подбивал меня исследовать этот талисман, надеясь, что он уничтожит меня! Так вот знай: я не намерен трогать эти рычажки! Этим займешься ты.

Дева растерянно захлопала большими карими глазами:

– Послушай, это совершенно ни к чему...

– Делай, что тебе сказано!

Я нехотя принялся разглядывать когти змея. Их было три, и на каждом красовался изумруд. Я опасливо нажал на первый из них. Внутри змейки что-то зажужжало, и меня шарахнуло током. Лицо у девы побагровело, роскошные длинные волосы встали дыбом, точно туалетный ершик.

Старый волшебник заржал.

– Ты рассчитывал, что это случится со мной? – фыркнул он. – Пусть это будет для тебя уроком. Ну, продолжай!

Я нажал на второй коготь. Внутри змейки что-то зажужжало, завертелось, несколько золотых чешуек приподнялось, и оттуда вырвались клубы смолистого дыма. Этот механизм, как и предыдущий, растерял свою силу за долгие века, мое лицо всего лишь слегка закоптилось.

Хозяин хохотал, держась за бока.

– Чем дальше, тем лучше! – прохрипел он. – Ну и видок у тебя! Давай дальше!

Третий изумруд, по-видимому, изначально должен был выпускать струю ядовитого газа, но сейчас его хватило только на еле заметное зеленоватое облачко и дурной запах.

– Ну что, позабавился? – вздохнул я, протягивая змейку ему обратно. – Отпусти же меня, или дай другое поручение, или что угодно. Только оставь в покое эту вещицу. С меня хватит.

Волшебник сверкнул своим единственным глазом.

– Не спеши, Бартимеус! – сурово сказал он. – А как же хвост?

– А что хвост?

– Ты что, слепой? Вон, там тоже какой-то шарнир! Нажми-ка на него, будь любезен!

Я колебался.

– Прошу тебя! С меня довольно.

– Ну уж нет, Бартимеус! А вдруг это и есть тот самый «потайной рычажок», о котором ты говорил? Быть может, ты сейчас встретишься с тем легендарным «могущественным духом»!

Старикан злорадно ухмыльнулся и скрестил свои тощие руки.

– Впрочем, куда вероятнее, что ты еще раз убедишься, как опасно бросать мне вызов! Давай, давай, не тяни! Нажми на хвост!

– Но...

– Я приказываю тебе нажать на хвост!

– Ну, приказ есть приказ...

Того-то я и добивался все это время. Условия заклинания духов всегда включают в себя строгий запрет на причинение вреда волшебнику, который тебя сюда притащил. Это первое, основополагающее, правило любой магии везде и всюду, от Ассирии до Абиссинии. Хитростью и лукавыми речами довести хозяина до беды, разумеется, не возбраняется, так же как и напасть на него, если он вдруг выступит за пределы круга или перепутает заклинание. Но напрямую причинять вред нельзя никоим образом. Ты не смеешь его и пальцем тронуть без его прямого и недвусмысленного приказа. И вот мне наконец-то удалось получить такой приказ!

Я вскинул золотую змейку и нажал ей на хвост. Как я и предполагал, Наабаш меня не обманул¹⁰ и заточенная внутри элементаль¹¹ совершенно не выдохлась, в отличие от механических приспособлений. Из разинутого рта змея с напором вылетела блестящая струя воды, весело сверкнувшая в лучах утреннего солнца. Поскольку я, чисто случайно, направил змею прямо на волшебника, струя воды свободно пересекла пространство между двумя пентаклями и ударила старого пердуна точнехонько в грудь. Его сшибло с ног, и он вылетел из круга на середину комнаты. Ах как он летел – любо-дорого смотреть! Но главное было не это, а то, что он покинул пределы круга. Не успел он тяжело плюхнуться на спину посреди огромной лужи, как узы мои лопнули и я вырвался на волю.

Прелестная дева швырнула золотую змейку на пол и шагнула прочь из удерживавшего ее пентакля. Волшебник беспомощно бился, лежа на спине и хватая воздух ртом, точно пойманная рыба.

Дева миновала свечи из козьего сала, и все они до единой тотчас же потухли. Она мимоходом пнула чашечку с травами-оберегами. Розмарин просыпался ей на кожу, кожа слегка зашипела и задымилась. Дева не обратила на это внимания. Ее большие темные глаза были устремлены на волшебника. Тот попытался приподнять голову – и увидел, что я иду к нему.

Мокрый, задыхающийся, он все же предпринял еще одну, последнюю попытку. Он указал на меня трясущейся рукой, шевельнул губами, выдавил заветное слово. Из указательного пальца вылетело Копье Сущности. Дева небрежно взмахнула рукой; копьевидные молнии взо-

¹⁰ В разговорах с людьми мы часто лукавим, однако между собой высшие духи почти всегда говорят правду. Низшие создания, увы, далеко не так культурны: фолиты ненадежны, капризны и склонны фантазировать, а бесам просто нравится врать напрапалую.

¹¹ Большинство духов воплощают в своей сущности две или больше из четырех стихий (скажем, совершеннейшие из джинов – не будем называть имен! – представляют собой идеально сбалансированные существа из воздуха и пламени). Духи, состоящие из одного только воздуха, земли, пламени или воды, называются элементами, и это совсем другой колленкор. Им недостает тонкости и обаяния, которые делают столь привлекательными наиболее избранных среди нас, джинов, зато уж силушки им не занимать!

рвались в воздухе и разлетелись в стороны под разными углами, вонзившись в стены, в пол, в потолок. Одна молния вылетела в ближайшее окно и по дуге ушла в небо, напугав трудившихся в долине крестьян.

Дева пересекла комнату, воздвиглась над волшебником и протянула к нему руки. Ногти на пальцах – да и сами пальцы – сделались куда длиннее, чем прежде.

Старик поднял на меня глаза.

– Бартимеус...

– Ну да, меня зовут Бартимеус, – ответил я. – Ты как, сам встанешь или мне придется наклоняться?

Он промямлил в ответ что-то неразборчивое. Прелестная дева пожала плечами, оскалила ровные зубки и набросилась на него. Он еще какое-то время издавал разные звуки, но быстро затих.

Три мелких сторожевых беса, вероятно привлеченные возмущением планов бытия, появились, когда я уже почти закончил. Они с выпученными глазами столпились на подоконнике, с изумлением глядя на меня. Хрупкая девушка, пошатываясь, поднялась на ноги. Теперь в комнате, кроме нее, никого не было. Она обернулась к бесам. Глаза у нее горели в темноте.

Бесы подняли тревогу, но было поздно. Воздух зазвенел от шума крыльев и свиста острых когтей, но прелестная дева улыбнулась, помахала на прощание бесам, Иерусалиму, своему последнему рабскому ярму на Земле – и, не говоря худого слова, исчезла.

Тут старому волшебнику и конец пришел. Мы довольно много времени провели вместе, но имени его я так и не узнал. Однако я до сих пор вспоминаю о нем с нежностью. Глупый, жадный, бестолковый – и мертвый. Вот это идеальный хозяин!

Часть вторая

4

Соломон

Соломон Великий, царь Израиля, верховный волшебник и оплот нации, подался вперед и нахмурил свои изящно очерченные брови.

– Мертв? – переспросил он, а потом еще раз, погромче, после жуткой паузы, во время которой сердца четырехсот тридцати семи человек дрогнули и замерли от ужаса: – Мертв?!

Двое ифритов, что восседали подле трона в обличье златогривых львов, устремили на него свои золотистые глаза. Трое крылатых джиннов, что парили над спинкой трона, держа наготове плоды, вина и сладости, дабы царь в любой момент мог подкрепиться, затрепетали так сильно, что кубки и блюда задребезжали у них в руках. Горлицы и ласточки, гнездившиеся между балок, сорвались со своих насестов и сквозь открытую колоннаду умчались в озаренные солнцем сады. А четыреста тридцать семь человек – волшебники, придворные, жены и просители, – собравшиеся в чертоге в то утро, потупились и принялись робко переминаться с ноги на ногу.

Великий царь очень и очень нечасто повышал голос, даже когда речь шла о войне или о женах. Подобные случаи ничего доброго не сулили.

У подножия трона склонился долу Соломонов визирь.

– Да, господин. Мертв. Однако есть и добрые вести: он добыл тебе редкостную старинную вещицу!

Не поднимая головы, он указал на ближайший к нему постамент. На нем стояла золотая статуэтка змея.

Царь Соломон посмотрел на статуэтку. В чертоге все замерло. Львы-ифриты смотрели на людей, моргая золотистыми глазами, скрестив бархатные передние лапы и слегка подергивая хвостом. Над тронном зависли в ожидании джинны – они были неподвижны и лишь лениво взмахивали орлиными крыльями. Птицы из сада куда-то делись; только мотыльки, точно солнечные зайчики, мелькали среди залитых светом деревьев.

Наконец царь откинулся на кедровую спинку трона и заговорил:

– Да, вещица красивая. Бедный Иезекииль верно служил мне до последнего!

Он поднял руку, давая джиннам знак подать вина, и, поскольку рука была правая, по залу прокатился вдох облегчения. Волшебники расслабились, жены принялись шушукаться и браниться, и собравшиеся просители из десяти стран один за другим поднимали головы, взирая на царя с боязливым восторгом.

Кто, как не Соломон, достоин был восхищения? В юности прыщи и оспа обошли его стороной, и теперь, в расцвете сил, кожа его оставалась гладкой и шелковистой, как у ребенка. Воистину, за пятнадцать лет, что миновали с тех пор, как он взойшел на трон, царь почти не переменился: темноглазый, смуглокожий, узколицый, с длинными черными волосами, ниспадающими на плечи. Длинный, прямой нос, пухлые губы, глаза, подведенные зеленовато-черной сурьмой, по египетскому обычаю. Поверх роскошных шелковых одежд – дара индийских магов-жрецов – он носил множество великолепных украшений из золота и жада, и сапфировые серьги, и ожерелья нубийской слоновой кости, и янтарные бусы из Киммерии. На запястьях у него звенели серебряные обручья, и лодыжку одной ноги обвивал тонкий золотой браслет.

Даже сафьяновые сандалии, свадебный дар владыки Тира, были расшиты золотыми бляхами и самоцветами. Но на длинных, узких кистях не было ни единого камня, ни единого украшения – лишь на мизинце левой руки красовалось кольцо.

Царь сидел и ждал, пока джинн наливал ему вино в золотой кубок; ждал он, пока в вино золочеными вилочками накладывали ягоды с ветреных холмов Анатолии и лед с вершины горы Ливана. И люди смотрели, как он ждет, купаясь в лучах его славы, чье сияние было подобно солнцу.

Наконец лед был опущен в кубок, вино было готово. Джинны, беззвучно взмахивая крыльями, убрались прочь от трона. Соломон заглянул в кубок, но пить не стал. Его внимание снова обратилось к чертогу.

– Мои волшебники! – произнес он, обращаясь к кружку тех, кто стоял ближе всего к трону. – Все вы неплохо потрудились. За одну ночь сумели вы добыть множество удивительных сокровищ со всего света! – Он мановением кубка указал на семнадцать расставленных перед ним постаментов, на каждом из которых красовались редкостные, невиданные вещицы. – Каждое из них уникально, и все они должны помочь нам пролить свет на древние культуры, существовавшие прежде нас. Я с большим интересом займусь их изучением. Хирам, можешь велеть их убрать.

Визирь, маленький темнокожий волшебник из далекого Куша, немедленно вытянулся по струнке. Он отдал приказ. Семнадцать рабов – людей или, по крайней мере, существ в человеческом обличье – выбежали вперед и унесли и золотую змейку, и прочие сокровища.

Когда с этим было покончено, визирь набрал в грудь воздуха, стиснул рубиновое навершие посоха и трижды ударил им об пол.

– Внимание! – провозгласил он. – Соломонов совет продолжается! Царю предстоит рассмотреть несколько чрезвычайно важных дел. Все мы, как всегда, вкусим от плодов его премудрости. Для начала...

Но тут Соломон вяло приподнял руку. Рука была левая, и потому визирь осекся на полуслове и побледнел.

– Прошу прощения, Хирам, – вкрадчиво сказал государь, – но первое из дел нам уже известно. Сегодня утром был убит мой волшебник Иезекииль. Дух, который его убил, – известно ли, кто это?

Визирь прочистил горло.

– Да, повелитель, известно. Имя преступника удалось узнать благодаря пометкам на цилиндре Иезекииля. Он предпочитает именовать себя Бартимеусом из Урука.

Соломон нахмурился:

– Мне кажется, я уже слышал это имя.

– Да, повелитель, и не далее, как вчера. Этого духа видели распевавшим предрозостную песенку, в которой говорилось о том, что...

– Благодарю. Да, припоминаю. – Царь погладил свой точеный подбородок. – Бартимеус... из Урука. Города, которого не существует уже две тысячи лет. Стало быть, демон этот весьма древний. Марид, полагаю?

Визирь отвесил низкий поклон.

– Нет, повелитель. Отнюдь.

– Так стало быть, ифрит.

Визирь поклонился еще ниже, чуть-чуть не дотянувшись подбородком до мраморного пола.

– Повелитель, на самом деле это не более чем джинн, весьма умеренной силы и могущества. Четвертого уровня, если верить некоторым шумерским табличкам.

– Четвертого уровня?!

Тонкие пальцы забарабанили по подлокотнику трона, на мизинце сверкнуло золото.

– Джинн четвертого уровня убил одного из моих волшебников?! При всем уважении к стенающей тени Иезекииля, это позорит весь Иерусалим – а хуже того, это позорит меня! Подобную дерзость с рук спускать нельзя. Участь преступника должна стать примером для всех. Хирам, пусть подойдут оставшиеся из семнадцати.

Главные волшебники царя Соломона прибыли к нему из земель, далеких от пределов Израиля, привлеченные блеском его величия. Из дальней Нубии, из Пунта, из Ассирии и Вавилона съехались эти могущественные люди. Любой из них всего лишь кратким приказом мог вызывать из небытия демонов, поднимать ураганы, сеять смерть среди бегущих в панике врагов. Они владели древними тайнами и считались могучими у себя на родине. Однако все они предпочли прибыть в Иерусалим, дабы служить тому, кто носил Кольцо.

Визирь взмахом жезла призвал их выйти вперед. Каждый волшебник или волшебница, подступая к трону, низко склонялись перед Соломоном.

Соломон пристально взглянул на них, затем промолвил:

– Хаба!

Волшебник выступил из круга, неспешно, величественно и бесшумно, точно кошка.

– Да, повелитель?

– У тебя зловещая репутация.

– Воистину так, повелитель.

– Ты обращаешься со своими рабами с подобающей суровостью.

– Повелитель, я горжусь своей жестокостью и недаром, ибо демоны злобны и бесконечно коварны, и лукавы и мстительны от природы.

Соломон погладил свой подбородок.

– Да, это правда... Хаба, насколько мне известно, у тебя в подчинении уже состоит несколько непокорных духов, причинивших немало хлопот.

– Это так, повелитель. И каждый из них горько сожалеет о своей былой дерзости.

– Не согласишься ли ты добавить к их числу этого зловредного Бартимеуса?

Хаба был египтянин. Человек впечатляющей внешности, высокий, широкоплечий, крепкий членами. Череп его, как и у всех фиванских жрецов-магов, был чисто выбрит и до блеска наложен воском. Орлиный нос, массивные брови, губы тонкие, бескровные, натянутые, точно тетива лука. На пустынном лице, точно бархатно-черные луны, темнели глаза, вечно увлажненные, как будто он постоянно готов был расплакаться. Хаба кивнул.

– Повелитель, я во всем следую твоим повелениям и твоей воле.

– Воистину так. – Соломон пригубил вина. – Пусть этот Бартимеус смирится и научится повиновению. Когда башня Иезекииля будет расчищена, Хирам доставит тебе нужные цилиндры и таблички. Это все.

Хаба поклонился и вернулся на свое место в кругу волшебников. Его тень волочилась за ним, точно плащ.

– Ну а теперь, когда с этим покончено, мы можем вернуться к другим вопросам, – сказал Соломон. – Хирам!

Визирь щелкнул пальцами. В воздухе материализовалась белая мышка и, кувырнувшись, приземлилась к нему на руку. В лапках мышка держала папирусный свиток. Она развернула его и показала визирю. Хирам быстро проглядел список.

– Повелитель, – сказал он, – нам предстоит рассмотреть тридцать два судебных дела, переданных тебе твоими волшебниками. Истцы ждут твоего суда. Среди дел, которые следует разобрать, – убийство, три случая насилия, семейная ссора и спор двух соседей из-за пропавшей козы.

Лицо царя осталось бесстрастным.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Как всегда, множество просителей явилось к тебе издалека, моля о помощи. Я избрал двадцать из них, чтобы они обратились к тебе с официальным прошением.

– Я выслушаю их. Это все?

– Нет, повелитель. Патрули джиннов, что стерегут южные пустыни, сообщают о новых нападениях разбойников. Несколько отдаленных усадеб сожжено, обитателей вырезали, и на торговых путях также творятся бесчинства – нападения на караваны, ограбления торговцев.

Соломон пошевелился на троне.

– Кто отвечает за южные патрули?

– Я, повелитель! – отозвалась волшебница из Нубии, облаченная в одеяние из плотной желтой ткани.

– Призови побольше демонов, Эльбеш! Выследи этих «разбойников»! Выясни, кто они такие на самом деле: обычные изгои или же наемники, состоящие на службе у чужеземных царей? Завтра доложишь мне.

Волшебница поморщилась.

– Хорошо, повелитель... но...

Царь нахмурился.

– Что – «но»?

– Прошу прощения, повелитель, но я управляю девятью могучими и своевольными джинами. Я и так устала. Мне трудно будет призвать новых рабов.

– Понятно... – Царь нетерпеливо окинул взглядом круг. – Что ж, тогда тебе в этом небольшом дельце помогут Рувим и Нисрох. А теперь...

Волшебник со всклокоченной бородой вскинул руку.

– Великий царь, прости меня! Но я тоже несколько перегружен...

– И я! – кивнул человек, стоящий рядом.

Тут осмелился подать голос визирь Хирам:

– Повелитель, пустыни весьма обширны, а возможности твоих покорных слуг ограничены. Быть может, тебе пора подумать о том, чтобы помочь нам? Быть может, ты соизволишь... – Он осекся.

Соломон медленно, как кошка, мигнул подведенными сурьмой глазами:

– Продолжай.

Хирам сглотнул. Он и так уже сказал больше, чем следовало.

– Ну... быть может, ты соизволишь применить... – его голос был еле слышен, – применить Кольцо?

Царь помрачнел. Левая рука, лежащая на подлокотнике трона, побелела.

– Хирам, ты подвергаешь сомнению мои приказы, – негромко сказал Соломон.

– Великий государь, помилуй! Я не думал тебя оскорбить!

– Ты смеешь указывать мне, как и когда использовать мою власть.

– Нет-нет! Я говорил, не подумав!

– Действительно ли ты этого хочешь?

Левая рука шевельнулась. Кольцо на мизинце сверкнуло золотом и черным обсидианом. Лежащие у трона львы-ифриты ослабели и тихо зарычали.

– Нет, повелитель! Молю тебя!

Визирь рухнул на пол. Мышь юркнула в его одеяния. Собравшиеся в зале придворные с ропотом подались назад.

Царь вытянул руку, повернул Кольцо на пальце. Раздался грохот, налетел порыв ветра. Чертог окутало тьмой, и в сердце этой тьмы, подле трона, безмолвно воздвиглось Существо. Четыреста тридцать семь человек рухнули ниц точно громом пораженные.

Ужасен был искаженный лик Соломона, объятый мраком. Голос его был гулок, точно доносился из глубин пещеры:

– Всем вам говорю: будьте осторожны в своих желаниях!

Он снова повернул Кольцо. Существо мгновенно исчезло; чертог внезапно залило светом, в садах защебетали птицы.

Медленно, с опаской поднимались на ноги волшебники, придворные, жены и просители.

Лицо Соломона вновь сделалось спокойным.

– Отправьте своих демонов в пустыню, – сказал он. – Поймайте разбойников, как я говорил.

Он отхлебнул вина и взглянул в сторону садов, откуда, как часто бывало, доносилась чуть слышная музыка, хотя музыкантов никто никогда не видел.

– И еще одно, Хирам, – сказал он наконец. – Ты ни словом не упомянул о царице Савской. Вернулся ли посланец из страны Сава? Известен ли ответ царицы?

Визирь поднялся на ноги и утирал струйку крови, текущую из носа. Он сглотнул: день для него выдался неудачный.

– Известен, о повелитель.

– Да?

Визирь прочистил горло.

– Как ни трудно в это поверить, царица вновь отвергает твое предложение брачного союза и отказывается стать одной из твоих великолепных супругов.

Визирь помолчал, переживая изумленное и возмущенное аханье собравшихся жен.

– Ее объяснения, насколько их можно считать таковыми, сводятся к следующему: будучи на самом деле правительницей своего народа, а не просто царской дочерью... – снова слышались охи, ахи и насмешливое фырканье, – она не может оставить свой трон и предаться бездумной и бездельной жизни, даже ради того, чтобы купаться в сиянии твоего величия, окутывающем Иерусалим. Она глубоко сожалеет о своем отказе и предлагает вечную дружбу, как свою, так и савского народа, до тех пор, пока, цитирую, – тут он снова сверился со свитком, – «не падут башни Мариба и не угаснет вечное солнце». В общем и целом, повелитель, она снова ответила «нет».

Визирь умолк и, не осмеливаясь поднять взгляд на царя, принялся суетливо сворачивать свиток и запихивать его под одежды. Толпа застыла, следя за безмолвной фигурой на троне.

Соломон расхохотался. И залпом выпил полкубка.

– Ах вот, значит, каков ответ Савского царства? – промолвил он. – Что ж, ладно. Мы подумаем над тем, что ответит Иерусалим.

5

Балкида

Спустилась ночь. В городе Марибе царила тишина. Царица Савская сидела одна у себя в комнате, читая священные тексты. Потянувшись за кубком с вином, она услышала за окном хлопанье крыльев. Там сидела птица, орел. Орел стряхивал с перьев примерзшие льдинки и пристально глядел на царицу холодными черными глазами. Царица окинула его взглядом и, поскольку хорошо знала иллюзии духов воздуха, произнесла:

– Если ты пришел с миром, привет тебе. Можешь войти.

В ответ орел соскочил с подоконника и обернулся стройным юношей. Юноша был золотоволос и прекрасен собой, но глаза его остались так же холодны и черны, как у птицы, и на груди сверкали льдинки.

– Я принес послание царице этой земли, – сказал юноша.

Царица улыбнулась.

– Она перед тобой. Ты прилетел издалека, и лететь тебе пришлось высоко в небе. Ты гость в моем доме, все мое – твое. Быть может, ты желаешь подкрепиться или передохнуть? Или ты нуждаешься в чем-то еще? Назови что угодно, и ты это получишь.

Юноша отвечал:

– Ты очень любезна, царица Балкида, но мне не требуется ни пищи, ни отдыха. Мне нужно лишь сообщить тебе послание и выслушать твой ответ. Но сперва узнай, что я – марида седьмого уровня, раб Соломона, сына Давидова, царя Израиля, могущественнейшего из живущих ныне волшебников.

– Как, опять? – улыбнулась царица. – Уже три раза этот царь задавал мне один и тот же вопрос, и три раза я давала ему один и тот же ответ. Последний раз был не далее как неделю назад. Я надеюсь, что он наконец-то смирился с моим решением и не станет просить в четвертый раз!

– Да, – сказал юноша, – до этого мы вскоре дойдем. Соломон шлет тебе привет и желает здоровья и процветания. Он благодарит тебя за то, что ты рассмотрела его последнее предложение, и официально его отменяет. Вместо этого он требует от тебя признать его своим верховным владыкой и обещать ежегодно выплачивать ему дань в размере сорока мешков благовонного ладана из лесов прекрасной Савы. Согласись – и солнце будет по-прежнему улыбаться твоим владениям, и тебя и твоих потомков ждет вечное процветание. Если же откажешься – то, откровенно говоря, последствия будут куда менее благоприятные.

Балкида уже не улыбалась. Она поднялась на ноги.

– Что за дерзость! Соломон не имеет права претендовать на богатства Савы, точно так же, как и на меня самое!

– Ты, должно быть, слышала, – возразил юноша, – что Соломон владеет волшебным Кольцом, с помощью которого он может в мгновение ока призвать целое войско духов. По этой самой причине цари Финикии, Ливана, Арама, Тира и Идумеи, среди многих иных, уже поклонились ему и поклялись в верности и дружбе. Они ежегодно платят большую подать золотом, деревом, кожами и солью и радуются тому, что гнев его пощадил их.

– Сава – древний, свободный народ, – холодно ответила Балкида, – и его царица не преклонит колен перед неверным чужеземцем. Можешь вернуться к своему господину и передать ему это.

Юноша не шелохнулся, а заговорил иным, доверительным тоном:

– Послушай, о царица: так ли уж велика эта предполагаемая дань? Всего сорок мешков – из нескольких сотен, которые ежегодно собирают в Саве! Неужели это вас разорит? – Он сверкнул белозубой улыбкой. – Как бы то ни было, это куда лучше, чем сделаться нищенкой в лохмотьях, изгнанной из своей родной земли, где горят города и гибнут люди!

Балкида ахнула и шагнула в сторону наглой твари, но остановилась, заметив угрожающий блеск в пустых и темных глазах.

– Ты превышаешь свои полномочия, демон, – сказала она, сглотнув. – Я требую, чтобы ты немедленно убрался из этой комнаты, не то я позову своих жриц, и они изловят тебя серебряной сетью!

– Мне не страшны серебряные сети, – ответил дух. И направился к ней.

Балкида отступила назад. В шкафчике у кресла лежал магический кристалл, если его разбить, прозвучит сигнал тревоги и сюда прибежит ее личная стража. Но с каждым шагом она оказывалась все дальше от заветного шкафчика и от двери. Она потянулась к украшенному самоцветами кинжалу на поясе.

Демон сказал:

– Не бойся, я тебе ничего не сделаю. Ибо я – марида, мне достаточно сказать одно слово – и поднимется буря, скажу другое – и из моря восстанут новые острова. Но, невзирая на все мое могущество, я – всего лишь один из ничтожнейших рабов Соломона, что превосходит всех людей своим могуществом и славой.

Он остановился. Балкида не успела дойти до стены, однако чувствовала ее у себя за спиной. Она вытянулась во весь рост, опустила руку на рукоять кинжала, и лицо ее оставалось бесстрастным, как она была приучена с детства.

– Когда-то, давным-давно я служил первым царям Египта, – сказал демон. – Я помогал возводить их гробницы, которые и поныне остаются одним из чудес света. Но величие этих царей подобно пыли перед той властью, которой обладает ныне Соломон.

Он развернулся и небрежной походкой отошел к очагу. Лед, остававшийся у него на плечах, быстро растаял, и вода тонкими струйками побежала по длинным, смуглым рукам и ногам. Он смотрел в пламя.

– Слышала ли ты, о царица, что бывает, когда его воле перечат? – негромко осведомился он. – А я это видел – издалека. Он носит на пальце Кольцо. И он его поворачивает – всего один раз. И является Дух Кольца. А что потом? По небу маршируют войска, рушатся стены городов, сама земля разверзается, и пламя поглощает его врагов. Он призывает бесчисленных духов, они слетаются быстрее мысли, так что полуденный час становится чернее полуночного, ибо они затмевают солнце, и земля дрожит под ногами от хлопанья крыльев. Хочешь ли ты воочию узреть этот ужас? Воспротивься ему – и этого не миновать!

Но Балкида уже взяла себя в руки. Она подошла к шкафчику и открыла его, дрожа от ярости. Она взялась за ящичек, в котором лежал кристалл.

– Ты уже слышал мой ответ, – хрипло произнесла она. – Возвращайся к своему хозяину. Скажи ему, что я отказываю ему в четвертый раз и не желаю более видеть никаких посланцев. Более того, если он будет упорствовать в своей жестокой алчности, я заставлю его пожалеть о том, что он услышал мое имя.

– Ну, в этом я очень сомневаюсь, – возразил юноша. – В тебе нет ни капли магии, и Марида ваш отнюдь не славится ни колдовством, ни оружием. Последнее предупреждение, прежде чем я отправлюсь в далекий обратный путь. Мой господин разумен. Он понимает, что тебе нелегко принять такое решение. Он дает тебе две недели на размышления. Вон, видишь? – Демон указал в окно, где над стройными глинобитными башенками висела желтая луна. – Сегодня – полнолуние. Когда луна сойдет на нет, приготовьте во дворе сорок мешков ладана! Иначе воинство Соломона поднимется на крыло. Две недели, запомни! Ну а пока что я благодарю

тебя за гостеприимство и за теплый очаг. Вот тебе еще немного огоньку от меня. Это чтобы тебе легче думалось!

Он вскинул руку; оранжевый огненный шар вырвался у него из пальцев и молнией устремился вперед. Верхушка ближайшей башни взорвалась огненным цветком. Пылающие кирпичи посыпались вниз, из темноты послышались вопли.

Балкида, вскрикнув, устремилась вперед. Юноша презрительно улыбнулся и шагнул к окну. Неуловимое глазом движение, порыв ветра – и орел вылетел в окно, обогнул клубы дыма и исчез среди звезд.

Наступил рассвет. От развалин башни тянулись тонкие серые струйки дыма, но сам пожар угас. Пока жрецы несколько часов договаривались о том, какого демона следует призвать, чтобы потушить пламя, пожар успели потушить вручную, водой из каналов. Царица Балкида лично распоряжалась тушением и заботилась о том, чтобы с погибшими и ранеными обошлись как подобает. И теперь, когда город сделался тих и нем, она сидела у окна в своей комнате, глядя, как зеленовато-голубой рассвет тихо пробирается над полями.

Балкиде было двадцать девять лет, она взошла на трон Савы немногим менее семи лет назад. Как и ее мать, предыдущая царица, она соответствовала всем требованиям своей священной должности и была любима народом. Она была тверда и решительна при дворе, что нравилось ее советникам; она была серьезна и благочестива в религиозных делах, что нравилось жрицам Солнца. А когда горцы из Хадрамаута спускались в город, с одеждами, отягощенными мечами и серебряными оберегами от джиннов, с верблюдами, нагруженными мешками с ладаном, она встречала их на площади перед дворцом, и предлагала им листья ката, и понимаяще рассуждала с ними о погоде и о том, как трудно добывать смолу из деревьев, так что и горцы тоже оставались довольны и возвращались в свои деревни, восхваляя прекрасную и мудрую царицу Савскую.

Да, красота тоже была не лишней. В отличие от матери, которая была склонна к полноте, так что под старость требовались четыре молодые рабыни, чтобы помочь ей встать с ее мягкого и просторного ложа, Балкида до сих пор оставалась стройной, подтянутой и избегала принимать помощь от кого бы то ни было.

У нее не было близких доверенных лиц ни среди советников, ни среди жриц, и все свои решения она принимала сама.

Как издавна повелось в Саве, все личные рабы Балкиды были женщинами. Рабыни делились на две категории: горничные, которые заботились о ее прическе, украшениях и личной гигиене, и небольшая каста потомственных стражниц, чьим долгом было оберегать царицу от опасностей. Иные царицы заводили дружбу с рабынями, но Балкиде такое было не по душе, и она держалась отчужденно.

Утренний свет наконец коснулся каналов; вода вспыхнула и засверкала на солнце. Балкида встала, потянулась, выпила глоток вина, чтобы расслабить оцепеневшие конечности. Спустя несколько мгновений после атаки она уже знала в душе, как именно она поступит, однако ей потребовалась целая ночь, чтобы обдумать свое решение. И теперь наконец, взвесив все за и против, она мгновенно перешла от размышления к действию. Она пересекла комнату, открыла шкафчик у кресла, достала хрупкий сигнальный кристалл и раздавила его в пальцах.

Она ждала, глядя в огонь. Тридцать секунд спустя в коридоре за дверью послышался топот бегущих ног, и дверь распахнулась. Балкида, не оборачиваясь, произнесла:

– Спрячь свой меч, девочка. Опасность миновала.

Она вслушалась – и услышала шорох металла, убираемого в кожаные ножны.

– Которая ты из моих стражниц? – спросила Балкида.

– Ашмира, госпожа моя.

– Ашмира... – Царица, не отрываясь, смотрела на пламя. – Это хорошо. Ты всегда была самой проворной. И самой искусной, насколько я припоминаю... Ашмира, на что ты готова ради меня?

– На все, госпожа моя!

– Готова ли ты ради меня пожертвовать жизнью?

– С восторгом!

– Да, – произнесла Балкида, – ты истинная дочь своей матери... Скоро вся Сава будет у тебя в долгу. – Она обернулась и одарила девушку ослепительной улыбкой. – Ашмира, дорогая, позови слуганок, вели им принести нам вина и печенья. Мне нужно с тобой поговорить.

Когда наконец командир стражи Ашмира покинула царский кабинет и вернулась в свою каморку, ее суровое лицо раскраснелось и дыхание участилось. Она немного посидела на своем топчане, глядя сначала в пространство, потом на старые привычные трещины в глинобитной стене, идущие от пола до потолка. Через некоторое время сердцебиение наконец успокоилось, дыхание выровнялось, однако распивавшая ее изнутри гордость ничуть не уменьшилась. На глаза у нее навернулись слезы – то были слезы радости.

Наконец она встала и сняла с полки, висящей на стене, деревянный сундук, украшенный только скромным изображением полуденного солнца. Ашмира опустила сундук на кровать, встала на колени рядом с ним, откинула крышку и достала пять серебряных кинжалов. Кинжалы сверкали в свете лампы. Она брала их один за другим, осматривала, проверяла кромку, взвешивала на руке. Наконец Ашмира, аккуратно сложила их на кровать.

Уверенно балансируя на носочках, она присела на корточки, полезла под кровать и достала оттуда свой дорожный плащ, кожаные башмаки и большую кожаную котомку. Котомка нашлась не сразу, Ашмуре пришлось долго шарить по углам, и она была вся пыльная – ею слишком давно не пользовались.

Ашмира вытряхнула на пол содержимое котомки: два больших, небрежно сложенных куска ткани в странных пятнах и местами обгоревшие, несколько свечек, два огнива и фитили, масляную лампу, три горшочка, запечатанных воском, и восемь грузиков из резного нефрита. Некоторое время посидела над всем этим в задумчивости, потом пожала плечами, сложила их обратно в сумку, запихнула туда же серебряные кинжалы, затянула завязки и встала.

Время шло быстро; жрицы, должно быть, уже собрались на площади для утренней молитвы, а ей нужно было еще сходить в храм, получить благословение Солнца.

Но она была готова. Вещи собраны, а прощаться ей не с кем. Она надела башмаки, взяла плащ, вскинула на плечо котомку. И, не оглядываясь, вышла из каморки.

6

Бартимеус

Высоко над землею парил феникс, благородная птица, во всем подобная беркуту, не считая красноватого отлива на золотых перьях и переливчатых пятнышек на кончиках распростертых крыльев. У нее был медноцветный хохолок, когти, подобные золотым крючьям, и угольно-черные глаза, что смотрели вперед и назад, озирая всю вечность разом.

Вид у птицы был раздраженный. В когтях она тащила два с половиной центнера артишоков в огромной веревочной авоське.

Груз был тяжелый, но это не единственное, из-за чего работа меня бесила. Во-первых, меня подняли ни свет ни заря, это, знаете ли, тоже не сахар. Я отбыл из Израиля немного за полночь, в сторону северного побережья Африки, где растут самые лучшие дикие артишоки, дабы (я цитирую текст поручения дословно!) «выбрать самые сочные экземпляры, увлажненные хрустальными утренними росами». «Хрустальными утренними росами», скажите, пожалуйста! Им там не пофиг, чем они увлажненные?

Все эти артишоки надо было еще выкопать из земли – мне теперь грязь из-под когтей сто лет не вычистить! – да и принести их обратно за полторы тысячи миль, навстречу легкому утреннему бризу – тоже не пикник. Но это все я бы еще пережил. Что меня бесило по настоящему – так это смешки и косые взгляды моих собратьев-духов, которые попадались мне навстречу по пути в Иерусалим.

Широко ухмыляясь, они проносились мимо, великолепные и воинственные, вооруженные сверкающими мечами и копьями. Они отправлялись охотиться на разбойников в южных пустынях – ну да, вот это задание, это я понимаю. А я? Я медленно тащился на север с полной сумкой овощей, натянуто улыбаясь и бормоча себе под нос грязные ругательства¹².

Я, видите ли, был наказан. И, откровенно говоря, ни за что!

Обычно, когда тебе удастся укокошить мага, пустив в ход немного благородной хитрости, и благополучно смыться обратно в Иное Место, тебя, скорее всего, на некоторое время оставят в покое. Проходит несколько лет – а быть может, даже пара десятилетий, – прежде чем какой-нибудь алчный авантюрист, выучивший несколько слов по-древнешумерски и научившийся чертить пентакли без дырок, откопает твое имя, призовет тебя обратно, и твое рабство начнется заново. Но даже когда это случается, все идет по правилам, которые обе стороны признают по умолчанию. Волшебник заставляет тебя добывать ему богатство и власть¹³, а ты делаешь все, что в твоих силах, чтобы избавиться от него.

Иногда тебе это удастся, чаще нет. Все зависит от умения и хитрости обеих сторон. Но все это чисто личное дело, и если уж тебе удастся одержать нечастую победу над своим угнетателем, последнее, чего ты ждешь, – это что тебя тут же притащат обратно, да еще и накажут – накажут! – за победу над кем-то другим.

И тем не менее в Иерусалиме времен царя Соломона дела обстояли именно так. Не прошло и суток с тех пор, как я сожрал старикашку и удалился из его башни, сыто рыгая и ухмыля-

¹² Здесь я их воспроизводить не стану, уж не обессудьте. В отличие от некоторых низших джинов – могу с ходу припомнить нескольких, – которые обожают вульгарные выражения и пошлые шутки, я лично дух культурный. Таким всегда был, таким и останусь. Я, можно сказать, славлюсь своей интеллигентностью. Все, чего я не знаю о хорошем тоне, можно записать на спине букашки – конечно, при условии, что вы будете достаточно крепко ее держать, чтобы она не дергалась.

¹³ Строить пирамиды, отыскивать сокровища, сражаться в битвах, собирать артишоки... Со стороны кажется, будто это разные вещи, но в конечном счете, что бы они там ни говорили, все требования магов сводятся к одному: богатству и власти!

ясь, как меня призвали в другую башню, расположенную в той же городской стене! И не успел я открыть рта, чтобы выразить возмущение, как меня поочередно огрели Судорогами, Бичом, Прессом, Кнутом и Дыбой, а под конец от души приложили Иглами¹⁴. Вы могли бы подумать, что уж после всего этого мне дадут возможность отпустить несколько едких замечаний – ага, как же! Я и оглянуться не успел, как уже несясь выполнять первое из множества унижительных поручений, выдуманных специально затем, чтобы сломить мой беззаботный дух.

Одно хуже другого! Сперва меня отправили на гору Ливан нарубить голубого льда с вершины, чтобы царю было чем охлаждать свои шербеты. Потом меня послали в дворцовые житницы подсчитывать зерна ячменя в порядке ежегодной инвентаризации. Потом мне поручили обрывать засохшие листья с деревьев и цветов в Соломоновых садах, дабы ничто унылое и увядшее не оскорбило царского взора. За этим последовало два особенно неприятных дня, которые я провел в дворцовой канализации – но об этом я умолчу, хотя вонь достаточно красноречива сама по себе, – после чего меня направили в тяжкое путешествие за свежим яйцом птицы рок, чтобы подать его на завтрак при дворе¹⁵. И вот теперь, как будто всего перечисленного было мало, на меня взвалили обязанность добывать эти дурацкие артишоки, что сделало меня посмешищем в глазах всех моих собратьев-джиннов.

Естественно, ничто из этого духа моего не сломило, зато взбесило до крайности. И знаете, кого я во всем винил? Соломона.

Нет, разумеется, вызвал меня не он. Он для этого слишком важная персона. Такая важная, что за три долгих года, проведенных в рабстве в этом городе, я его, считай, и не встречал. Хотя я довольно много болтался по дворцу, исследуя лабиринт чертогов и садов, растянувшийся на добрую милю, самого царя я видел лишь пару раз, мельком и издали, окруженного толпой крикливых жен. Он почти не показывался наружу. Если не считать ежедневных советов, на которые меня почему-то не приглашали, большую часть времени он проводил, затворясь в своих личных покоях за северными садами¹⁶. И пока он бездельничал и нежился там, у себя, повседневные заклęcia легли на плечи семнадцати верховных волшебников, что жили в башнях, стоящих вдоль городских стен.

Предыдущий мой хозяин был одним из Семнадцати, и нынешний мой хозяин тоже – вот вам осязаемое доказательство могущества Соломона. Все волшебники по природе своей – жестокие соперники. Когда одного из них убивают, остальные только радуются. На самом деле, они скорее вызовут коварного джинна затем, чтобы пожать ему когтистую лапу, чем затем, чтобы его наказать. Но только не в Соломоновом Иерусалиме! Царь воспринял гибель одного из своих слуг как личное оскорбление и потребовал мести. И вот пожалуйста: вопреки всем естественным законам и справедливости, я снова очутился в рабстве!

Гневно размышляя о своих несчастьях, я несясь вперед, навстречу жарким сухим ветрам. Далеко внизу моя огненная тень скользила над оливковыми рощами и ячменными полями и прыгала по крутым террасам, засаженным смоковницами. Маленькое Соломоново царство постепенно разворачивалось подо мной, пока наконец вдали не показались крыши его столицы, разбросанные по холму, точно сверкающие рыбы чешуйки.

Всего несколько лет назад Иерусалим был скромным унылым городишком, не представлявшим собой ничего особенного, и, уж конечно, никак не мог равняться с такими столицами,

¹⁴ Судороги, Пресс, Иглы и т. п. – болезненные заклинания, часто применяемые для того, чтобы принудить молодых здоровых джиннов к повиновению. Мучительные, нудные, но, как правило, не смертельные.

¹⁵ Хозяйке на заметку: омлета из одного яйца птицы рок достаточно, чтобы накормить примерно семьсот жен, если добавить несколько бочек молока и два-три ведра сливочного масла. Взбивать все это пришлось тоже мне, я аж локоть вывихнул.

¹⁶ Хотя, если верить рассказам, так было не всегда. Джинны, служившие дольше моего, говорили, что в ранние годы своего царствования Соломон то и дело устраивал балы, маскарады и забавы всех мыслимых видов (с преобладанием шутов и жонглеров). Каждую ночь на кипарисах вспыхивали гирлянды бесовских огней, и летающие шары с духами озаряли дворец переливающимся светом тысячи оттенков. Соломон, его жены и придворные резвились на лужайках, и он творил для них чудеса с помощью Кольца. Но с тех пор, похоже, многое изменилось.

как Нимруд, Вавилон или Фивы. Теперь же он вполне способен был потягаться богатством и великолепием с этими древними городами – и о причинах этого догадаться нетрудно.

Все благодаря Кольцу.

Кольцо! Оно было сердцем всего происходящего. Именно из-за него процветал Иерусалим. Именно из-за него мои хозяева повиновались каждому слову Соломона. Именно поэтому столько волшебников собралось вокруг него – точно разжиревшие блохи на паршивой собаке, точно мотыльки, летящие на пламя.

Именно благодаря Кольцу, которое Соломон носил на пальце, он мог жить в праздности, а Израиль – в неслыханной роскоши. Именно благодаря зловещей репутации Кольца некогда великие империи Египет и Вавилон теперь держались настороже и с тревогой следили за своими границами.

Все это – благодаря Кольцу.

Собственно, сам я этого злосчастного артефакта вблизи не видел – но, откровенно говоря, в этом не было нужды. Его мощь чувствовалась издали. Все магические предметы излучают ауру, и чем они могущественнее, тем эта аура ярче. Один раз, заведя вдалеке Соломона, я мельком заглянул на высшие планы. Свет был так яркий, что я вскрикнул от боли. Соломон носил при себе нечто, сиявшее столь ужасно, что самого его было почти и не видно. Все равно что посмотреть в упор на солнце.

Судя по тому, что я слышал, сама по себе вещица была довольно невзрачной: просто колечко желтого золота с единственным камнем, черным обсидианом. Но легенды гласили, что в нем заточен дух неслыханной силы, который появляется, стоит повернуть Кольцо; прикосновение же к Кольцу вызывало целый отряд маринов, ифритов и джиннов, повинующихся воле владельца Кольца. Иными словами, это был портативный портал в Иное Место, через который можно было вызывать практически неограниченное количество духов¹⁷¹²⁷.

И доступ ко всей этой немислимой мощи Соломон мог получить в любой момент, по любой прихоти, совершенно ничем не рискуя. Обычные невзгоды магического ремесла были ему неведомы. Никакой возни со свечами или необходимости пачкать коленки мелом. Никакого риска быть зажаренным, запеченным или просто проглоченным заживо. И никакого риска быть убитым соперниками или восставшим рабом.

Говорили, что в одном месте на Кольце есть крохотная царапинка: это великий маринов Азул, воспользовавшись неудачно сформулированным заклятием, попытался уничтожить его, пока нес Соломона на ковче-самолете из Лахиша в Беф-Цур. Окаменевшая фигура Азула и поныне одиноко высится возле дороги в Лахиш, точимая пустынными ветрами.

Ранее еще два марида, Филокрит и Одалис, тоже пытались убить царя. Последующая их карьера различна, но одинаково печальна: Филокрит сделался эхом в медном кувшине, а Одалис – удивленным лицом, врезанным в каменный пол царской ванной.

Много-много подобных историй рассказывали о Кольце; неудивительно, что Соломону жилось так беззаботно. Могущество золотого ободка у него на пальце и ужас, внушаемый этим ободком, держали в повиновении всех волшебников и духов. Одна мысль о том, что будет, если пустить его в ход, нависала над нами грозной тучей.

¹⁷ Помимо этого, Кольцо, по слухам, защищало Соломона от магических атак, придавало ему необычайное личное обаяние – возможно, именно этим объясняется огромное количество жен, толпившихся во дворце, – и вдобавок давало способность понимать язык птиц и зверей. В целом весьма недурно, хотя, что касается последнего дара, все разговоры животных сводятся в основном к следующему: а) бесконечные поиски еды, б) поиски теплого куста, под которым можно провести ночь, в) периндиктическое удовлетворение потребностей определенных органов¹²⁷. Никакого тебе благородства, юмора или поэзии. За этим обратитесь лучше к какому-нибудь джину средней руки.

¹²⁷ Многие возразят, что беседы людей по большей части сводятся к тому же.

Наступил полдень; мое путешествие подошло к концу. Я пролетел над Кедронскими воротами, над рынками и базарами, кишашими народом, и наконец снизился над дворцом с его садами. В эти последние мгновения ноша казалась мне особенно тяжелой. Соломону крупно повезло, что он в тот момент не вышел прогуляться по усыпанным гравием дорожкам. Попадись он мне в тот момент, я испытал бы большое искушение опорожнить свою сетку со спелыми артишоками на его умощенную башку и разогнать его многочисленных жен по фонтанам. Но все было тихо. Феникс неторопливо летел в указанное ему место: неприглядный дворик на задах дворца, где кисло воняло бойней и несло жаром из распахнутых дверей кухонь.

Я спикировал вниз, бросил свою ношу на землю, приземлился и обернулся прекрасным юношей¹⁸.

Толпа бесов выбежала мне навстречу, чтобы утащить мою авоську на кухню. Следом появился пухлый джинн-надсмотрщик с папирусными свитками в руках.

– Поздновато ты! – заявил он. – Продукты для банкета должны были быть доставлены к полудню!

Я прищурился на небо.

– Сейчас как раз полдень, Боско! Погляди на солнце!

– Полдень две минуты как миновал, – возразил джинн. – А ты, милейший, опоздал. Ну ладно, простим тебя на сей раз. Как твое имя?

– Бартимеус, принес артишоки с Атласских гор.

– Секундочку, секундочку... У нас тут столько рабов...

Джинн вытащил из-за уха стил и зарылся в свитки.

– Алеф... Бет... Где же это? Эти мне современные языки, никакой в них логики! Ага, вот! – Он поднял глаза. – Так, еще раз: как тебя звать?

Я топнул сандалией.

– Бартимеус!

Боско заглянул в свиток:

– Бартимеус Гилатский?

– Нет.

– Бартимеус Тель-Баташский?

– Нет.

Он развернул свиток дальше. Последовала длительная пауза.

– А, Бартимеус из Кирбет-Деламийя?

– Да нет же! Клянусь Мардуком, где я там у тебя? Бартимеус Урукский, известный также как Сахр аль-Джинни, знаменитый наперсник Гильгамеша и Эхнатона, одно время бывший наиболее доверенным джинном Нефертити!

Надсмотрщик вскинул голову.

– А, так ты джинн? Это же у меня список фолиотов!

– Фолиотов?! – в гневе воскликнул я. – При чем тут я?!

– Ну, судя по твоему виду... Ладно, ладно, уймись, хватит буянить! Ну да, теперь я знаю, кто ты. Один из смутьянов Хабы? Можешь мне поверить, твоя былая слава его совершенно не волнует!

Боско отвлекся, чтобы отдать приказы бесам. С трудом подавив желание сожрать его вместе со свитками, я угрюмо потряхнул головой. Единственное светлое пятно во всем этом уни- зительном разговоре – что никто другой его не слышал. Я отвернулся...

– Привет, Бартимеус!

¹⁸ Это было обличье, которое я носил, когда служил копьеносцем у Гильгамеша, за две тысячи лет до того: высокий, красивый молодой человек с гладкой кожей и миндалевидными глазами. Он носил длинную юбку из куска ткани, аметистовые ожерелья на груди, волосы имел кудрявые и отличался утонченным изяществом, которое так не вязалось с этим вонючим кухонным двором. Я часто принимал этот облик в подобных обстоятельствах. Это меня отчасти утешало.

... И увидел перед собой широкоплечего, пузатого раба-нубийца. Нубиец был лысый, красноглазый, в юбочке из леопардовой шкуры, с большим мечом, заткнутым за пояс. На толстой бычьей шее он носил семь ожерелий из слоновой кости, а на губах у него играла знакомая египетская ухмылка.

Я поморщился.

– Привет, Факварл.

– Ну вот, видишь, – сказал джинн Факварл, – хоть я тебя признал! Так что твое бывшее величие все еще не забыто. Не теряй надежды, друг! Быть может, в один прекрасный день «Балладу об артишоках» будут петь вечерами у огня, и легенды о тебе не умрут!

Я злобно уставился на него.

– Чего тебе надо?

Нубиец указал назад, за свое коричневое плечо.

– Наш ненаглядный хозяин велит, чтобы вся компания собралась на холме позади дворца. Все уже на месте, одного тебя ждут!

– Чем дальше, тем лучше! – кисло сказал я. – Ладно, пошли!

Прекрасный юноша и приземистый нубиец зашагали прочь через двор. Попадавшиеся навстречу мелкие духи, прозревая на высших планах нашу истинную сущность, поспешно отпрыгивали в сторону. У задних ворот бдительные полуифриты с мушинными глазами и ушами летучей мыши спросили наши имена и номера и сверились с какими-то еще свитками. Наконец нас пропустили, и мы очутились на неровной площадке на краю холма. Внизу белел город.

Неподалеку стояли и ждали, выстроившись в ряд, шестеро духов.

Все мои предыдущие задания выполнялись в одиночку, своих товарищей по несчастью, непокорных джиннов, я видел всех вместе впервые, а потому принялся внимательно их разглядывать.

– Ну и сброд, – заметил Факварл. – Только тебя тут и не хватало, для полного счастья! Жуткие твари, все до единого – но этого мало. Каждый из нас убил или искалечил своего предыдущего хозяина – если не считать Хосрова, который просто смертельно оскорбил свою хозяйку, наговорив ей немыслимых грубостей. Банда опаснейших преступников!

Некоторых из присутствующих – например, Факварла – я знал и недолюбливал уже много лет; другие были мне незнакомы. На первом плане все выглядели как люди, более или менее соблюдая пропорции¹⁹. У большинства были мускулистые конечности и точеные торсы, хотя и не такие точеные, как у меня; кое-кто предпочел иметь кривые ноги и толстое, отвислое пузо. Все были одеты в простые домотканые юбочки, какие обычно носили мужчины-рабы.

Однако, подойдя поближе, я заметил, что каждый из мятежных джиннов хоть чуть-чуть, да исказил свой человеческий облик, придав ему нечто демоническое. У одних из волос торчали рожки, у других были хвосты, длинные заостренные уши или раздвоенные копыта. Эти признаки неповиновения смотрелись рискованно, но стильно. Я решил не отставать от других и украсил свой лоб небольшими бараньими рожками. Нубиец Факварл обзавелся элегантными, остро отточенными клыками. Приукрасившись таким образом, мы заняли свои места в строю.

Мы ждали. На вершине холма дул жаркий ветер. Далеко на западе громоздились над морем облака.

Я переступил с ноги на ногу и зевнул.

¹⁹ Указы Соломона требовали от нас за пределами дворца неизменно сохранять человеческий облик. Появляться в обличье животных и мифических существ было запрещено; запрещалось также наделять себя бросающимися в глаза уродствами, а это жаль. Идея состояла в том, чтобы не пугать простой народ отталкивающими зрелищами – вот Бейзер, например, обожал разгуливать с конечностями, приделанными задом наперед. Да и ваш покорный слуга, надо признаться, однажды отправился на базар за смоквами в обличье разлагающегося трупа, что привело к знаменитой «панике во фруктовых рядах», во время которой пятнадцать человек затоптали насмерть. Зато смоквы мне удалось купить по самой что ни на есть бросовой цене, так что, как видите, все получилось к лучшему.

– Ну так что, – сказал я, – где его носит-то? Мне скучно, я устал и не отказался бы от жирного беса. Кстати, я видел несколько штук там, во дворе. Если провернуть все по-тихому, никто их не хватится. Возьмем мешок...

Сосед ткнул меня локтем.

– Тсс! – прошипел он.

– Да ладно, что тут такого? Все мы так делаем!

– Да тихо ты! Он пришел!

Я застыл. Остальные семеро джиннов вытянулись по струнке, и все мы окаменели, глядя прямо перед собой стеклянным взглядом.

На холм поднимался человек, одетый в черное. За ним тащилась длинная, тонкая тень.

7

Бартимеус

Его звали Хаба²⁰, и, кем бы еще он ни был, волшебником он был превосходным. По происхождению он, вероятно, был уроженцем Верхнего Египта, смывленным сынишкой какого-нибудь земледельца, коротавшего свой век, копаясь в черном нильском иле. Потом, как это было заведено столетиями, на парнишку обратили внимание жрецы Ра и забрали его в свою гранитную твердыню в Карнаке, где такие толковые мальчишки воспитывались во мраке и в дыму, постигая двойное искусство магии и власти. Более тысячи лет эти жрецы делили с фараонами владычество над Египтом, то соперничая с ними, то поддерживая их; и во дни расцвета Египта Хаба, несомненно, остался бы там и интригами и отравой пробил бы себе путь к столпам власти. Но ныне фиванский трон обветшал и пришел в упадок, а в Иерусалиме воссиял новый, более яркий свет. Честолюбие грызло Хабу изнутри. Он узнал от своих наставников все, что они могли ему поведать, и отправился на восток искать себе места при дворе Соломона.

Быть может, он провел здесь много лет. Однако он по-прежнему влачил за собой запах карнакских благовоний. Даже сейчас, когда он поднялся на холм и остановился, глядя на нас в сиянии полуденного солнца, в нем было нечто, напоминающее о подземельях.

До сих пор я встречался с ним только в его башне, в помещении для вызывания духов, и там мне было слишком плохо, чтобы рассмотреть его как следует. Но сейчас я разглядел, что кожа его имеет легкий сероватый оттенок, наводящий на мысли о подземных святилищах без окон, а глаза у него большие и круглые, как у пещерных рыб, обитающих в темноте²¹. Под каждым глазом виднелся узкий и глубокий рубец, спускающийся почти вертикально через всю щеку к подбородку. От природы ли у него такие отметины, или же их оставил какой-нибудь отчаянный раб, оставалось лишь гадать.

Короче, Хаба был отнюдь не красавчик. Ходячий покойник и тот перешел бы на другую сторону улицы, чтобы с ним не встречаться.

Как и у всех наиболее могущественных магов, платье на нем было самое простое. Обнаженная грудь, юбочка из простой ткани без вышивки и украшений. На костяном крюке у него на поясе висела длинная многохвостая плетка с кожаной рукоятью, на шее, на золотом ожерелье, висел черный отполированный камень. В обоих предметах пульсировала магическая сила: камень, как я предполагаю, служил магическим кристаллом, позволяющим волшебнику следить за тем, что происходит где-то вдали. Ну а плетка? О, ее предназначение было мне прекрасно известно! От одной мысли о нем меня пробрало холодом, несмотря на жару.

Джинны молча стояли в строю. Волшебник окинул нас взглядом. Большие глаза, влажно моргая, устремились по очереди на каждого из нас. Потом он нахмурился и, заслонившись рукой от слепящего солнца, внимательнее присмотрелся к нашим рогам, хвостам и прочим неуставным украшениям. Его рука потянулась к плетке, пальцы постучали по рукояти... и опустили. Волшебник отступил на полшага назад и обратился к нам негромким, бесцветным голосом.

²⁰ Это было не настоящее его имя, конечно. Так, прозвище на каждый день. Ничего не значащее, всего лишь маска, предназначенная надежно скрыть его истинную сущность. Имя же, данное ему при рождении, ключ к его силе и к самому его сокровенному, было вычеркнуто отовсюду и кануло в забвение. Так поступали с истинными именами всех волшебников.

²¹ Они были еще и противно-влажные, как будто он вот-вот расплачется от вины или печали, или от сочувствия к своим жертвам. Думаете, он и впрямь был на это способен? Как бы не так! Подобные эмоции были чужды сердцу Хабы, плакать он и не думал.

– Я – Хаба, – сказал он. – Вы – мои рабы и орудия. Неповиновения я не терплю. Это первое, что вам следует усвоить. А вот и второе: вы находитесь на иерусалимском холме, земле, которую наш господин, Соломон, нарек священной. И никакое озорство и дерзкие выходки здесь недопустимы. Ослушников ждет суровейшее наказание.

Он принялся медленно расхаживать вдоль строя, длинная и узкая тень влачила за ним.

– Я тридцать лет устрашаю демонов своей плетью. Тех, что пытались мне противиться, я раздавил. Некоторые из них мертвы. Некоторые живы... отчасти. В Иное Место не вернулся ни один. Зарубите это себе на носу!

Он умолк. Его возглас откликнулся эхом в стенах дворца и наконец замер.

– Я вижу, – продолжал Хаба, – что все вы, вопреки Соломоновым установлениям, изуродовали свой человеческий облик теми или иными дьявольскими принадлежностями. Возможно, вы рассчитываете меня этим шокировать. Если так, то вы ошибаетесь. Возможно, этот жалкий жест представляется вам чем-то вроде бунта. Если так, это лишь подтверждает то, что мне уже и так известно: вы слишком запуганы и трусливы, чтобы предпринять что-то более впечатляющее. Можете оставить себе эти рога на сегодня, если уж вам так нравится, но знайте, что с завтрашнего дня любой, у кого я увижу подобное, отведаст моей сущностной плети.

Он снял с пояса плетку и взмахнул ею у нас перед носом. Некоторые из нас съежились, и восемь пар глаз мрачно следили за свистящими в воздухе хвостами²².

Хаба удовлетворенно кивнул и повесил плетку обратно на пояс.

– Ну и где же эти гордые джинны, которые причиняли столько хлопот своим бывшим хозяевам? – осведомился он. – Их и след простыл! Вы сделались смиренны и послушны, как подобает. Отлично, теперь поговорим о вашем следующем задании. Вас собрали здесь, чтобы начать работу над новым строительством, которое замыслил царь Соломон. Он желает построить здесь огромный храм, чудо архитектуры, которому позавидуют даже цари Вавилона. Мне досталась честь выполнить подготовительные работы. Надлежит расчистить и выровнять этот край холма, а также вырыть карьер внизу, в долине. Вы будете работать согласно планам, которые получите от меня, обтесывая камни и стаскивая их сюда, а затем... Да, Бартимеус? В чем дело?

Я поднял свою изящную руку.

– Для чего нужно стаскивать камни? Не быстрее ли будет поднять их сюда на крыльях? Мы все могли бы переносить их по два зараз, даже Хосров!

– Эй, а чего я?! – негодуя взвизгнул джинн с ушами летучей мыши.

Волшебник покачал головой.

– Нет. Вы находитесь в границах города. И подобно тому, как Соломон запрещает появляться здесь в противоестественном обличье, точно так же вам следует избегать магических уловок и трудиться с человеческой скоростью. Этот храм должен стать святым местом, его надлежит строить с благоговением.

– Без магии?! – протестующе возопил я. – Но ведь на это уйдут годы!

Влажные глаза устремились на меня.

– Ты оспариваешь мои приказы?

Я поколебался, потом отвел взгляд.

– Нет.

Волшебник отвернулся в сторону и произнес волшебное слово. Раздался негромкий хлопок, завоняло тухлыми яйцами, и рядом с Хабой материализовалось и повисло небольшое сиреневое облачко. Облачко слегка пульсировало. Внутри, закинув за голову тощие ручонки,

²² Сущностная плетень – излюбленное орудие жрецов Ра еще со времен фараона Хуфу и строительства пирамид. Очень удобный инструмент для того, чтобы призывать к порядку непокорных джиннов. Фиванские мастера изготавливают их и по сей день, однако самые лучшие можно найти лишь в древних гробницах. Плетень Хабы была из тех, настоящих, – это было видно по рукоятке, обтянутой кожей раба-человека: на ней все еще виднелись следы татуировок.

сидело зеленокожее существо с закрученным хвостом, пухлыми красными щеками, блестящими глазками и наглым, фамильярным выражением на физиономии.

– Привет, ребята! – ухмыльнулось оно.

– Это фолиот Гезери, – пояснил наш хозяин. – Он – мои глаза и уши. Когда на строительной площадке не будет меня самого, он станет мне докладывать о любых простоях и нарушениях моих приказов.

Фолиот еще шире расплылся в улыбочке.

– Ничего, Хаба, с ними хлопот не будет! Они же тихие, как ягнятки, я ж вижу!

Он высунул толстопалую ногу за пределы своего облачка и оттолкнулся от земли. Облачко подплыло ближе.

– Вся штука в том, что они понимают, что это ради их же блага, это сразу видно!

– Надеюсь! – Хаба сделал нетерпеливый жест. – Время идет! Беритесь за работу. Вырубайте кустарник, выравнивайте вершину холма! Вы знаете условия вашего заклинания, их и держитесь. Мне нужна дисциплина, мне нужна эффективность, мне нужна безмолвная преданность делу. Никаких возражений, споров или посторонних занятий. Разбейтесь на четыре команды. В ближайшее время я доставлю вам планы храма. Это все.

И с этими словами он развернулся и зашагал назад, воплощение гордости и безразличия. Фолиот поплыл за ним, лениво отталкиваясь ножкой и корча нам гадкие рожи.

И никто из нас по-прежнему ничего не сказал, хотя это был прямой вызов. Я услышал, как стоящий рядом Факварл издал сдавленный рык, как будто хотел что-то сказать, но прочие мои товарищи-рабы как будто язык проглотили, страхась наказания.

Но вы ж меня знаете. Я же Бартимеус, я молчать не стану!²³ Я громко кашлянул и вскинул руку.

Гезери развернулся, как волчок; волшебник, Хаба, обернулся медленнее.

– Ну?

– Хозяин, это снова я, Бартимеус Урукский. У меня жалоба!

Волшебник заморгал своими влажными глазищами.

– Жалоба?

– Ну да, верно. Стало быть, ты не глух – это хорошо, у тебя хватает других физических недостатков. Мне очень жаль, но речь идет о моих товарищах по работе. Они не дотягивают до нужного уровня.

– Не дотягивают?..

– Ну да. Постарайся меня понять. Я не говорю, что они все такие. Например, я не имею ничего против... – Я обернулся к джинну, стоящему слева от меня, юноше с приятным лицом и единственным коротким рогом во лбу. – Извини, как тебя звать?

– Менес.

– Против юного Менеса. Уверен, он джинн достойный. И возможно, вон тот толстяк с копытами тоже неплохой работник, я еще не имел случая убедиться в обратном – по крайней мере, сущности в нем довольно. Но некоторые другие... Если нам предстоит тяжкий труд на протяжении многих месяцев... Короче говоря, мы не сработаемся. Начнутся драки, склоки, подколки... Вот взять, скажем, Факварла. С ним же совершенно невозможно работать! Чуть что – сразу в слезы.

Факварл лениво хохотнул, обнажив сверкающие клыки:

²³ Ну, не считая тех редких случаев, когда меня лишают физической возможности говорить. Помнится, некие ассирийские жрецы так разозлились на меня за мою дерзость, что пронзили мне язык шипами и пригвоздили меня за него к столбу на главной площади Ниневии. Однако они не учли, насколько эластична моя сущность. Я сумел удлинить свой язык достаточно, чтобы зайти в ближайший кабачок и выпить там ячменного вина, а тем временем о мой язык успело споткнуться несколько важных персон, проходивших мимо.

– Да-а... Должен заметить, хозяин, что наш Бартимеус – ужасный выдумщик. Ему верить нельзя, ни единому его слову!

– Вот именно! – вставил раб с копытами. – Он обозвал меня толстяком!

– Так ты и есть толстяк! – фыркнул джинн с ушами летучей мыши.

– Заткнись, Хосров!

– Сам заткнись, Бейзер!

– Вот видишь? – Я горестно развел руками. – Уже поцапались. Ты и оглянуться не успеешь, как мы вцепимся друг другу в глотки. Самое разумное – это распустить нас всех, разумеется не считая Факварла, который, невзирая на свои личные недостатки, весьма искусен в ремесле камнетеса. Он будет тебе хорошим и верным слугой и станет прекрасно трудиться за восьмерых!

Волшебник открыл было рот, чтобы что-то сказать, но его перебил слегка натужный смешок, который издал пузатый нубиец. Нубиец плавно выступил вперед.

– Напротив, хозяин, – возразил он, – оставь себе Бартимеуса! Сам видишь, он могуч, как марид! Кроме того, он известен своими достижениями в строительстве, многие из них вошли в легенды и славятся по сей день!

Я насупился.

– Ой, ну что ты! Я совершенно безнадёжен.

– Ох уж эта его скромность! – улыбнулся Факварл. – Единственный его недостаток – он не способен работать в команде, вместе с другими джиннами. Так что те, кто его вызывает, обычно распускают всех остальных. Так вот, вернемся к его дарованиям. Ты, разумеется, даже в этом вашем захолустье слышал о Великом Потопе, что случился на Евфрате? Ну так вот. Познакомься, вот тот, кто его устроил!

– Ну, Факварл, вечно ты вспомнишь что-нибудь этакое! Эта история наделала куда больше шума, чем оно того стоило. Ничего особенного не случилось.

– Ах, ничего особенного?! – негодуяще возопил Хосров. – А то, что затопило всю долину от Ура до Шуруппака, так, что из воды торчали только плоские белые крыши? Казалось, будто весь мир ушел под воду! И все из-за того, что ты, Бартимеус, на спор перекрыл реку плотиной!

– Ну и что? Ведь спор-то я выиграл. Все следует рассматривать в должной перспективе!

– Ну, Хосров, по крайней мере, он-то строить умеет!

– А я что, нет? Да о моем строительном проекте в Вавилоне толковал весь город!

– Это ты про ту башню, которую ты так и не достроил?

– Брось, Нимшик, я тут ни при чем, это все из-за проблем с гастарбайтерами!

Ну, я свое дело сделал. Спор разгорелся на славу: дисциплина и рабочий настрой развеялись как дым и волшебник приобрел приятный багровый оттенок. С фолиота Гезери тоже слетела спесь: он паялился на джиннов, разинув рот, как форель.

– Молчать! Всем молчать! – яростно возопил Хаба.

Но было поздно. Строй распался, превратившись в месиво из потрясаемых кулаков и указующих перстов. Размахивали хвосты, сверкали на солнце рога, то тут, то там, в качестве дополнительного аргумента, материализовывались отсутствовавшие прежде когти.

Знавал я хозяев, которые перед лицом такой катавасии сдались бы, всплеснули бы руками и распустили бы рабов – хотя бы временно – только затем, чтобы немного побыть в тишине. Но этот египтянин был крепкий орешек! Лицо его исказилось, он медленно отступил назад и снял с пояса сущностную плетть. Он крепко стиснул рукоять и, принявшись читать заклинание, взмахнул ею над головой – раз, другой, третий...

С каждого из свистящих хвостов сорвалась зазубренная желтая молния. Молнии вонзились в нас, разметали по сторонам и, обжигая, взметнули в небо.

Мы болтались под жарким солнцем, выше стен дворца, пронзенные желтыми шипами огненного света. Далеко внизу волшебник размахивал плетью, то вверх, то вниз, все быстрее и

быстрее, а Гезери восторженно скакал козлом. Мы носились по кругу, обмякшие и беспомощные, ударяясь то друг о друга, то о землю. За нами шлейфом тянулись брызги растерзанной сущности, висающие в сухом воздухе подобно маслянистым пузырям.

Наконец вращение прекратилось, сущностные вертелы исчезли. Волшебник опустил руку. Восемь растерзанных предметов тяжело шмякнулись оземь. Очертания наших тел расплывались, точно масло на сковороде. Мы упали вниз головой.

Медленно оседало облако пыли. Мы торчали из земли бок о бок, точно гнилые зубы или покосившиеся статуи. Некоторые слабо дымились. Наши головы наполовину зарылись в землю, ноги бессильно висели в воздухе, точно увядшие стебельки.

Неподалеку от нас жаркое марево колыхнулось, раздвинулось, снова сомкнулось, и сквозь него прошел волшебник, за которым по-прежнему волочилась длинная черная тень. На хвостах плети все еще извивались желтые огненные языки, негромко потрескивая, малопомалу угасая. Это был единственный звук в тишине, царившей на холме.

Я выплюнул застрявший во рту камушек.

– По-моему, он нас простил, Факварл, – прохрипел я. – Гляди, он улыбается!

– Это тебе так кажется, Бартимеус, оттого что мы торчим вниз головой!

– Да, действительно...

Хаба подошел и воззрился на нас сверху вниз.

– Вот что я делаю с рабами, которые осмелились послушаться меня единожды, – негромко произнес он.

Ответом ему было молчание. Даже я не нашелся что сказать.

– Сейчас я вам покажу, что бывает с рабами, которые ослушались дважды!

Он вытянул руку и произнес одно слово. Ослепительно-яркая, ярче солнца, светящаяся точка повисла в воздухе над его ладонью. Она беззвучно разрослась, обернувшись сияющим шаром, шар лег ему в ладонь, по-прежнему не касаясь ее. Постепенно шар потемнел, точно вода, смешанная с кровью.

Внутри шара постепенно проступили очертания – там кто-то был. Одиноким, слепым, терзаемым страшными муками, затерянным во тьме.

Молча, стоя вверх ногами, оседая, как тающий снег, мы смотрели на несчастное, искалеченное создание. Мы смотрели на него долго.

– Узнаете? – осведомился волшебник. – Это дух, подобный вам – точнее, некогда он был подобен вам. Ему тоже была известна свобода полета. Быть может, он, как и вы, забавлялся, вынуждая меня тратить время впустую, пренебрегая поручениями, которые я ему дал. Я этого не помню – я уже много лет держу его в подвале своей башни. Вероятно, он уже и сам этого не помнит. Временами я слегка подбадриваю его, чтобы напомнить ему, что он все еще жив, в остальном же я предоставляю ему прозябать в тоске и мучениях.

Он медленно обводил нас взглядом, помаргивая круглыми глазищами; голос у него оставался таким же ровным, как прежде.

– Если кто-то из вас хочет уподобиться ему, можете разгневаться на меня еще раз. Если же нет – беритесь за работу, копайте землю и обтесывайте камни по велению царя Соломона и молитесь, если то свойственно вашей природе, чтобы я когда-нибудь все же разрешил вам покинуть Землю.

Изображение в шаре растаяло, сам шар зашипел и исчез. Волшебник повернулся и зашагал прочь, ко дворцу. Длинная черная тень влеклась за ним, подпрыгивая и приплясывая на камнях.

Никто из нас не сказал ни слова. Один за другим мы опрокинулись на бок и рухнули в пыль.

8

Ашмира

К северу от Савы на тысячу миль тянулись пустыни Аравии: широкий, безводный клин песка и безжизненных каменных гор, заканчивающихся на западе пустынным Красным морем. Далеко на северо-западе, там, где полуостров смыкается с Египтом, а Красное море сходит на нет, заканчиваясь Акабским заливом, лежала торговая гавань Эйлат, где с древних времен сходились пути, товары и люди. Чтобы добраться из Савы в Эйлат, где на старинных базарах можно было выгодно продать благовония и специи, торговцы направлялись круглым путем, между пустыней и морем, через множество крошечных царств, платя по дороге многочисленные пошлины и отражая нападения горных племен и их джиннов. Если все шло благополучно, верблюды были здоровы, а от набегов удавалось отбиться, торговцы обычно прибывали в Эйлат через шесть-семь недель, измученные и истомленные дальней дорогой.

Командир стражи Ашмира проделала этот путь за одну ночь, она долетела до Эйлата в песчаном вихре.

За пределами спасительной Мантии, в завывающей тьме, бешено кружились колючие песчинки. Ашмира ничего не видела: она сидела зажмурившись, обняв колени, стараясь не обращать внимания на голоса, которые завывали в вихре, выкрикивая ее имя. Это все были уловки несшего ее духа, но в остальном заклинания жриц подействовали как должно. Ашмиру не швырнуло оземь, не раздавило, не растерзало: ее благополучно донесло до места и осторожно опустило на песок как раз в тот час, когда начал заниматься рассвет.

Она медленно, с трудом распрямилась и позволила себе открыть глаза. Она сидела на холме, в центре трех идеально ровных песчаных колец. Там и сям торчали жалкие кустики, острая осока и скалы, блестящие в лучах восходящего солнца. На гребне холма стоял обнаженный малыш и смотрел на нее блестящими темными глазами.

– Вон Эйлат, – сказал джинн. – Ты дойдешь туда к полудню.

Ашмира посмотрела в указанном направлении и увидела вдалеке желтую россыпь огней, смутно видневшуюся в тающем предутреннем мраке, и рядом с ней ровную белую полосу, узкую, как лезвие ножа, разделяющую небо и землю.

– А вон там, – продолжало дитя, – море. Акабский залив. Ты находишься на южной оконечности владений царя Соломона. В Эйлате ты сможешь нанять верблюдов, чтобы доехать до Иерусалима – до него еще несколько сотен миль. Сам я тебя дальше нести не могу, это опасно. Соломон устроил в Эйлате верфи, чтобы контролировать торговые пути вдоль побережья. Здесь находятся некоторые его волшебники и множество духов, и все они бдят, чтобы предотвратить вторжение таких, как я. Я не могу войти в город.

Ашмира поднялась на ноги и ахнула от боли в онемевших мышцах.

– Что ж, я благодарю тебя за помощь, – сказала она. – Когда вернешься в Мариб, передай, пожалуйста, от меня спасибо жрицам и нашей возлюбленной царице. Скажи, что я благодарна им за помощь, что я приложу все силы, чтобы исполнить свой долг, и что...

– Ну, меня-то тебе благодарить не за что, – перебило дитя. – Я сделал это только потому, что меня заставили. По правде говоря, если бы мне не грозил Бедственный Огонь, я сожрал бы тебя в мгновение ока: ты выглядишь довольно сочной и аппетитной. Что до царицы и ее прихвостней, их тебе, я думаю, благодарить тоже не за что: они отправили тебя на страшную смерть, а сами тем временем прохлаждаются в роскоши дворцовых покоев. Хотя, конечно, я передам, что ты им кланяешься.

– Гнусный демон! – рявкнула Ашмира. – Если даже я и умру, я умру ради своей царицы! На нашу страну напал враг, и сам бог Солнца благословил мой подвиг! Ты понятия не имеешь ни о преданности, ни о любви, ни о Родине!

Она стиснула вещицу, висящую у нее на шее, и гневно выкрикнула заветный слог; сияющий желтый диск поразил джинна, и тот с воплем кубарем отлетел назад.

– Неплохо сработано! – сказала дитя, поднимаясь на ноги. – Однако сила твоя мелка, а побуждения еще мельче. Боги, Родина – все это пустые слова, и не более!

Он зажмурился и исчез. Легкий ветерок повеял с севера на юг, разметал ровные песчаные круги. Ашмиру пробрала дрожь.

Она опустила на колени, достала из котомки мех с водой, лепешку, завернутую в виноградные листья, серебряный кинжал и дорожный плащ, который тут же набросила на плечи, чтобы согреться. Для начала она как следует напилась из меха, потому что ей очень хотелось пить. Потом торопливо и деловито съела лепешку, глядя вперед с вершины холма, прикидывая, как лучше пройти в город. Потом обернулась на восток, туда, где диск бога Солнца только-только отрывался от земли. Где-то далеко-далеко он воссиял также и над прекрасной Савой. Его величие слепило Ашмиру, лицо ее ощущало его тепло. Ее движения замедлились, разум очистился; мысли о срочном деле на время оставили ее. Она стояла на вершине, стройная и юная, и золотой свет блеснул на ее длинных темных волосах.

Когда Ашмира была еще совсем маленькой, мать как-то раз отвела ее на крышу дворца и обошла строение по кругу, чтобы Ашмира могла осмотреть весь город.

– Наш город, Мариб, построен на холме, – говорила мать, – и этот холм находится в центре Савы, подобно тому как сердце находится в центре тела. Давным-давно бог Солнца заповедал нам, каковы должны быть размеры города, поэтому мы не можем строить за пределами этих стен. Потому-то наш город растет не вширь, но ввысь! Видишь эти башни со всех сторон? В них живет наш народ, на каждом этаже по семье, и когда появляется нужда, мы надстраиваем еще один этаж из глинобитного кирпича. А теперь, дитя, погляди вниз, за пределы холма. Видишь, вокруг города все зеленое, в то время как дальше – желтая пустыня? Это зеленое – наши сады, в них – наша жизнь. Ежегодно высоко в горах тают снега, и вода потоками сбегает по иссохшим вади, орошая наши земли. Царицы былых времен прорыли каналы, которые приводят воду на поля. Наш главный долг – беречь эти каналы, ибо без них мы погибнем. А теперь погляди на восток. Видишь эти бело-голубые горы? Это Хадрамаут, там растут наши леса. Эти деревья – второе наше главное сокровище. Мы собираем их смолу, высушиваем, и... и что из нее получается?

Ашмира запрыгала от возбуждения: она знала ответ!

– Ладан, матушка! Та штука, которой воняют горцы!

Мать опустила стальную руку на голову дочери.

– Не надо так прыгать, девочка! Дворцовой стражнице не пристало скакать подобно пустынному дервишу, даже в пять лет. Но да, ты права: это ладан. Это благоговение для нас дороже золота, именно благодаря ему наш народ богат. Мы торгуем с иноземными царствами, что лежат далеко отсюда, за пустынями и морями. Они хорошо платят за него, но они бы отняли его у нас, если бы могли. Только великие аравийские пустыни, которых не преодолеть ни одному войску, защищают нас от их алчности.

Ашмира перестала егозить и нахмурилась.

– Если сюда придут враги, – сказала она, – царица их всех убьет! Верно, матушка? Царица нас всех защищает!

– Верно, дитя. Наша царица защищает Саву. А мы, стражницы, защищаем царицу. Затем мы и родились на свет. И ты, милая Ашмира, когда вырастешь, тоже будешь защищать нашу

благословенную госпожу – даже ценой своей собственной жизни, если потребуется, – как защищаю ее я, как защищали ее наши праматери. Клянешься ли ты в этом?

Ашмира сделалась настолько неподвижна и настолько серьезна, насколько могла.

– Клянусь, матушка!

– Молодец, хорошая девочка. Что ж, идем вниз, присоединимся к сестрам.

В те времена старая царица Савская еще не настолько отяжелела, чтобы не выходить из дворца, и ее везде сопровождал эскорт стражниц. Их предводительница, мать Ашмиры, всегда шла следом за царицей, точно тень, и на поясе у нее висел кривой меч, ничуть ее не тяготивший. Ашмира, которая особенно гордилась длинными и блестящими волосами матери, про себя думала, что мать выглядит куда красивее и царственнее самой царицы, однако же ей хватало ума никому об этом не говорить. Такие мысли слишком смахивали на предательство, а для предателей было особое место на голом холме за заливными лугами, где их останки расклевывали птички. Ашмира довольствовалась тем, что представляла себе, как в один прекрасный день она сама делается главной стражницей и будет всюду ходить следом за царицей. Она уходила в сады позади дворца, брала сломанную тростинку и упражнялась в фехтовании, повергая ряды воображаемых демонов в свирепом и беспощадном бою.

С ранних лет она присоединилась к матери в тренировочном зале, где под бдительным оком морщинистых матерей-стражниц, которые сделались уже слишком стары для того, чтобы нести службу, женщины-стражницы ежедневно упражнялись в боевых искусствах. До завтрака они лазили по канатам, бегали по лугам, плавали в каналах у стен. Потом, как следует размяв мышцы, они по шесть часов в день тренировались в гулких, солнечных залах, сражаясь на мечах и на посохах, на ножах и на кулачках, метая диски и кинжалы в набитые соломой мишени на стенах. Ашмира наблюдала за происходящим, сидя на лавках, где матери-стражницы перевязывали раны и ушибы тканью, переложенной целебными травами. Часто она и другие девочки брали маленькие деревянные мечи и копья, изготовленные специально для них, и присоединялись к своим матерям в потешных поединках. Так началась их учеба.

Мать Ашмиры была лучшей среди этих женщин, оттого она и сделалась главной стражницей. Она бегала быстрее всех, сражалась яростнее всех и, главное, метала маленькие сверкающие кинжалы точнее, чем кто бы то ни было. Она умела метать их стоя, на бегу, и даже с разворота – кинжал неизменно вонзался по самую рукоять в любую мишень на другом конце зала.

Ашмиру зачаровывало мастерство матери. Не раз она подбегала к ней, протягивала руку:

– Дай попробовать, я тоже хочу!

– Ты еще мала! – улыбалась мать. – Вон, возьми деревянные кинжалы, они лучше уравнишены, и ты ими не порежешься. Нет-нет, не так! – Потому что Ашмира уже выхватила кинжал у нее из руки. – Нужно легонько сжать острие между большим и указательным пальцами... вот так. А теперь спокойнее, спокойнее. Закрой глаза, вздохни поглубже...

– Да нет, не надо! Смотри, как я умею! Ой...

– Для первого раза неплохо, Ашмира! – рассмеялась мать. – Если бы мишень была на шесть шагов правее и на двадцать шагов ближе, ты бы попала точно в цель! Ну а так мне остается только порадоваться: будь мои ноги чуть больше... – Она наклонилась, подняла кинжал. – Попробуй-ка еще раз!

Шли годы. Бог Солнца день за днем свершал свой путь по небесам. Ашмире исполнилось семнадцать. Легконогая, с серьезным взглядом, она сделалась одной из четырех недавно назначенных командиров дворцовой стражи. Она хорошо проявила себя во время последнего мятежа горных племен и лично взяла в плен вождя мятежников и его волшебников. Она несколько раз исполняла обязанности главной стражницы, стоя позади царицы во время храмовых церемоний. Однако сама царица Савская ни разу не заговорила с ней, ни разу не обратила внимания на ее существование – вплоть до той ночи, когда сгорела башня.

За окном все еще курился дым; из Чертога Мертвых доносился рокот траурных барабанов. Ашмира сидела в царском кабинете, неуклюже сжимая кубок с вином и глядя в пол.

– Ашмира, дорогая, – говорила царица, – знаешь ли ты, кто совершил это злодеяние?

Ашмира подняла глаза. Царица сидела так близко, что их колени почти соприкасались. Неслышанно близко. Сердце отчаянно колотилось в груди. Ашмира. снова потупилась.

– Говорят, госпожа моя, – выдавила она, – говорят, что это царь Соломон...

– А говорят – почему?

– Нет, госпожа.

– Ашмира, ты можешь смотреть на меня, когда мы разговариваем. Да, я – твоя царица, но обе мы – дочери Солнца.

Ашмира. снова подняла взгляд. Царица улыбалась. От этого зрелища голова у стражницы слегка закружилась; она отхлебнула вина.

– Главная стражница часто рассказывала о твоих достоинствах, – продолжала царица. – Проворная, сильная, умная... Не страшится опасности... Находчивая, временами почти безрассудная... И хорошенькая вдобавок – это уж я сама вижу. Скажи, Ашмира, что ты знаешь о Соломоне? Какие истории ты о нем слышала?

Лицо у Ашмиры горело, горло ей сдавило. Это, наверное, от дыма... Она всю ночь командовала теми, кто передавал ведра по цепочке вниз, у башни.

– То же, что и всем, госпожа моя. Он живет во дворце из золота и нефрита, который он построил в одну ночь с помощью своего волшебного Кольца. Он повелевает двадцатью тысячами духов, один ужаснее другого. У него семь сотен жен – следовательно, он жесток и распутен. Он...

Царица вскинула руку.

– Все это я тоже слышала. – Она перестала улыбаться. – Ашмира, Соломону нужны сокровища Савы. Сегодняшний пожар – дело рук одного из его демонов, и, когда наступит новолуние – то есть через тринадцать дней, – войско Кольца явится сюда, чтобы уничтожить нас всех.

Глаза Ашмиры в ужасе распахнулись; она не сказала ни слова.

– Если только, – продолжала царица, – я не соглашусь уплатить выкуп. Нет нужды говорить, что этого я делать не желаю. Это ляжет пятном на честь Савы и на мою собственную честь. Но есть ли у меня выбор? Сила Кольца чересчур велика, чтобы ей противостоять. Для того чтобы опасность миновала, нужно убить самого Соломона. Но это почти невозможно: он никогда не покидает Иерусалима, а этот город слишком хорошо охраняется, туда не проникнуть ни армиям, ни магам. И тем не менее...

Царица тяжело вздохнула и посмотрела в окно.

– И тем не менее – надежда есть. Если бы нашелся кто-то, кто смог отправиться туда в одиночку, кто-то достаточно умный и ловкий, кто-то, кто выглядел бы совершенно безобидным, не будучи таковым, – быть может, этот человек и сумел бы проникнуть к царю. И когда он – точнее, она – останется наедине с царем, быть может, она... Но нет, это чересчур трудное дело.

– Госпожа моя... – Голос Ашмиры дрожал от возбуждения и от страха перед тем, что она собиралась сказать. – Госпожа, если я могу чем-нибудь помочь...

Царица Савская милостиво улыбнулась.

– Дорогая моя, не нужно больше слов! Мне уже известна твоя верность. Я знаю, что ты любишь меня. Да, милая Ашмира, спасибо за предложение. Я думаю, что ты можешь помочь.

Восходящее солнце висело над самой пустыней. Когда Ашмира наконец очнулась и снова обернулась на запад, она увидела, что гавань Эйлат превратилась в россыпь белых домов, а море – в лазурную полосу, на которой виднелись крошечные белые пятнышки.

Глаза Ашмиры сузились. Корабли! Корабли, принадлежащие жестокому Соломону. Отныне ей следует держать ухо востро...

Она взяла серебряный кинжал, лежащий рядом с ее котомкой, и сунула его за пояс, спрятав под плащом.

При этом взгляд ее упал на небо: она увидела слегка ущербный кружок луны, бледный и призрачный в голубом утреннем небе. Это зрелище подстегнуло ее. Осталось всего двенадцать дней! А до Соломона еще далеко... Она подхватила котомку и трусцой устремилась вниз.

9

Бартимеус

– Поаккуратнее со щебнем, ты! – рявкнул Факварл. – Последняя пригоршня угодила мне в затылок!

– Ну, извини!

– И кстати, не мог бы ты надеть юбочку подлиннее? А то мне просто глаза поднять страшно.

Я прекратил долбить камень.

– Ну а я что сделаю? Сейчас так носят!

– Ты мне солнце загораживаешь! Мог бы хотя бы отойти немного в сторону.

Мы гневно уставились друг на друга. Я нехотя подвинулся на дюйм влево; Факварл раздраженно сдвинулся на дюйм вправо. И мы продолжили долбить камень.

– Я бы еще понял, – кисло бубнил Факварл, – если бы нам разрешили делать это по-нормальному! Парочка Взрывов – и эта скала развалилась бы как миленькая!

– Скажи это Соломону! – посоветовал я. – Это из-за него нам не дают... Уй-я-а!

Кувалда вместо долота угодила мне по пальцу ноги. Я запрыгал как бешеный. Моя брань эхом отразилась от скалы, неподалеку взлетел напуганный стервятник.

Все утро, начиная с мутных предрассветных часов, мы с Факварлом трудились в карьере под местом будущей стройки, вытесывая первые каменные блоки для стен храма. Факварл стоял немного ниже меня, так что ему было хуже видно. Зато мне было негде укрыться от вставшего солнца. Я потел и бесился. А теперь вот еще и палец себе отшиб!

Я огляделся по сторонам: скалы, жаркое марево, никакого шевеления ни на одном из планов.

– Знаешь что, – сказал я, – с меня хватит! Хабы поблизости нет, его мерзкого фолиота – тоже. У меня перерыв!

Сказав так, прекрасный юноша отшвырнул долото и соскользнул по деревянной лестнице на дно карьера.

Факварл снова сделался нубийцем: приземистым, пузатым, пыльным и угрюмым. Он поколебался, потом тоже бросил инструменты. Мы присели рядом на корточки в тени его наполовину вырубленного блока, подобно любым другим рабам, отлынивающим от работы.

– И снова нам досталось самое трудное! – сказал я. – Почему мы не могли расчищать место под фундамент вместе с остальными?

Нубиец почесал пузо, нашел у нас под ногами подходящий осколок камня и принялсяковыряться в своих слегка заостренных зубах.

– Может быть, потому, что хозяин нас особенно недолюбливает. Ну, тебя-то понятно за что: ты давеча его неплохо уел.

Я самодовольно улыбнулся.

– Что верно, то верно!

– Кстати, о волшебнике, – продолжал Факварл. – Этот Хаба, как он тебе?

– Дрянь. А тебе?

– Один из худших.

– Я бы сказал, входит в десятку худших, может быть даже в пятерку.

– Мало того что он жесток, – добавил Факварл, – он еще и непредсказуем! Жестокость я могу понять, это качество во многих отношениях положительное. Но ведь он, чуть что, хватается за сущностную плоть! Если работаешь слишком медленно, если работаешь слишком

быстро, если просто окажешься поблизости, когда ему захочется поразмяться, – короче, при любой возможности!

Я кивнул.

– Ага. Вот и вчера вечером он меня отхлестал – и за что? Это же вышло чисто случайно!

– Что именно?

– Я просто издал забавный звук как раз в тот момент, когда он наклонился перешнуровать сандалии... – Я тяжело вздохнул и печально покачал головой. – Конечно, этот звук разнесся по долине подобно раскату грома. Правда и то, что поблизости как раз оказалось несколько важных шишек из числа придворных Соломона, и они поспешно перебежали, чтобы оказаться с наветренной стороны от него. Но все равно! У него совершенно отсутствует чувство юмора, вот в чем корень всех бед.

– Зато ты, Бартимеус, так же остроумен, как всегда! – заметил Факварл.

– Стараюсь, стараюсь!

– Ладно, шутки в сторону: с Хабой следует быть осторожными. Помнишь того, в шаре? На его месте мог очутиться любой из нас!

– Да я знаю...

Нубиец бросил ковыряться в зубах и отшвырнул камушек. Мы сидели рядом, глядя в пульсирующую белизну карьера.

Надо сказать, что случайному наблюдателю наш диалог мог показаться совершенно банальным, но на самом деле он был крайне примечателен, прежде всего тем, что нам с Факварлом удалось поговорить, не перейдя на: а) язвительные подколки, б) взаимные обвинения и в) попытки убить друг друга. За время нашего многовекового знакомства такое случалось крайне редко. Целые цивилизации успевали вылезти из грязи в князи, освоить искусства письма и астрономии и постепенно прийти в упадок, а нам с ним за все это время так и не случилось мирно поговорить.

Впервые наши пути пересеклись в Месопотамии, во время бесконечных войн между тамошними городами-государствами. Иногда мы сражались на одной стороне, иногда мы оказывались на вражеских сторонах. Это само по себе дело пустяшное, для духа все это вещь преходящая и не зависящая от его собственной воли, ведь это наши хозяева поработщали нас, вынуждая отправиться в битву. И тем не менее мы с Факварлом все как-то не сходились характерами.

Почему именно – сказать трудно. Ведь во многих отношениях у нас была масса общего.

Для начала, оба мы были весьма древними и достославными джиннами, хотя Факварл всегда настаивал на том, что он несколько древнее меня (как это на него похоже!)²⁴.

Во-вторых, оба мы были ребята весьма энергичные, веселые и находчивые, по-своему очень неплохие, мужественно противостоявшие людям, своим хозяевам. Оба мы уколошили немало волшебников, которые не сумели толком замкнуть пентакль, оговорились, произнося заклинание, оставили лазейку в условиях, оговаривающих наше пребывание на Земле, или допустили еще какую-нибудь ошибку в сложном и опасном процессе призывания духов. Однако слабым местом наших достоинств было то, что нас тем чаще вызывали действительно толковые волшебники, знающие о них и желающие использовать их в своих собственных целях. В результате мы с Факварлом были двумя самыми загруженными духами тысячелетия – по крайней мере, мы так считали.

²⁴ Если верить самому Факварлу, его впервые призвали в Иерихоне, в 3015 году до н. э., примерно за пять лет до моего первого появления в Уре. Это якобы позволяло ему считаться «старшим» из нас. Однако же Факварл на голубом глазу утверждал, будто именно он изобрел иероглифы, «рисую узорчики в грязи, оставшейся после разлива Нила», и к тому же заявлял, будто и счеты выдумал тоже он, насадив две дюжины бесов на ветви ливанского кедра. Так что я к этим его рассказам отношусь с долей здорового скептицизма.

И мало того, у нас еще была масса общих интересов, от архитектуры и политики до местной кухни²⁵. Короче, все говорило о том, что нам с Факварлом следовало бы сдружиться.

И тем не менее по какой-то непонятной причине мы с ним стояли друг другу поперек горла²⁶. Так было всегда.

Тем не менее мы, теоретически, готовы были забыть о своих разногласиях, столкнувшись с общим врагом, а нынешний наш хозяин вполне подходил под это определение. Любой волшебник, способный вызвать восемь джиннов за раз, явно был опасным противником, и сущностная плеть дела не упрощала. Но я чувствовал, что дело не только в этом...

– Кстати, есть в этом Хабе нечто странное, – сказал я. – Ты замечал?..

Факварл резко толкнул меня в бок и слегка качнул головой. На дорожке, ведущей в карьер, появились двое наших товарищей по несчастью, Ксоксен и Тивок. Оба тяжело брели, взвалив на плечи лопаты.

– Факварл! Бартимеус! – изумленно воскликнул Ксоксен. – Вы что делаете?!

– Отдыхают они! – злобно сверкнул глазами Тивок.

– Хотите – присоединяйтесь к нам, – предложил я.

Ксоксен оперся на лопату и вытер лицо грязной пятерней.

– Дурачье! – прошипел он. – Вы хоть помните, кто наш хозяин? Вы не забыли, кто он такой? Его прозвали Хаба Жестокий, и отнюдь не за то, что он миндальничает с бездельниками! Он повелел нам трудиться без отдыха все светлое время суток! Днем – вкалываем, отдыхаем – ночью! Что неясно?

– Из-за вас нас всех загонят в сущностные клетки! – рявкнул Тивок.

Факварл небрежно отмахнулся:

– Этот египтянин – всего лишь человек, заточенный в угрюмой плоти, в то время как мы – благородные духи (я говорю «благородные» в самом широком смысле, имея в виду и Бартимеуса тоже). С чего бы кому-то из нас вкалывать по велению Хабы? Мы должны трудиться вместе, чтобы уничтожить его!

– Пустая болтовня! – проворчал Тивок. – Трепись, сколько хочешь, пока волшебника рядом нет.

– Вот-вот, – кивнул Ксоксен. – Когда он появится, оба вы возьметесь за работу как миленькие, помяните мое слово. Ну так что, нам так и доложить, что у вас не готово ни одного блока? Дайте нам знать, когда можно будет тащить их на место!

И они развернулись и учапали прочь. Мы с Факварлом проводили их взглядом.

– Наши товарищи по несчастью оставляют желать лучшего, – буркнул я. – Совершенно бесхребетные!²⁷

Факварл взял свои инструменты и тяжело поднялся на ноги.

– Ну, пока что мы ничем не лучше их, – заметил он. – Нами Хаба тоже вертит как хочет. Беда в том, что я не вижу способа с ним справиться. Он могуществен, он мстителен, у него эта проклятая плетка, и к тому же он...

Факварл осекся. Мы переглянулись. Потом Факварл создал небольшой Импульс, который распространился вокруг нас, создав мерцающий зеленый Пузырь Тишины. Слабые звуки,

²⁵ На мой взгляд, вкуснее всего были вавилоняне, благодаря тому, что в их рацион входит много жирного козьего молока. Факварл же предпочитал упитанного индуса.

²⁶ Или поперек пасти. Или поперек хобота. Или поперек мандибул. Это уж зависит от того, в каком облике мы предпочитали являться.

²⁷ Впрочем, надо отдать им должное: не все они были такие. Нимшик, например, провел немало времени в Ханаане и недурно разбирался в тамошней политической жизни; Менес, совсем юный джинн, с почтением выслушивал мои мудрые речи; даже Хосров как-то раз зажарил гнусного беса. Однако остальные были пустой тратой драгоценной сущности: Бейзер – хвостун, Тивок – язва, Ксоксен был исполнен ложной скромности, а на мой взгляд, эти три черты ужасно отравляют жизнь окружающим.

доносившиеся с вершины холма, где копали землю наши собраты-джинны, мгновенно утихли; мы остались одни, наши голоса были отрезаны от мира.

И все равно я подался ближе.

– Ты обратил внимание на его тень?

– На то, что она несколько темнее, чем следовало бы? – прошептал Факварл. – И чуточку длиннее? И когда Хаба двигается, она откликается с некоторым запозданием?

– Ну да, именно.

Он поморщился:

– Ни на одном из планов ничего не видно, это значит, что тут использована Завеса очень высокого уровня. Но там действительно что-то есть, и это что-то охраняет Хабу. Если мы соби-
раемся до него добраться, для начала надо выяснить, что именно.

– Ладно, будем смотреть в оба, – сказал я. – Рано или поздно оно себя выдаст!

Факварл кивнул. Он взмахнул долотом; Пузырь Тишины разлетелся дождем изумрудных брызг. И мы снова молча взялись за работу.

Пару дней на строительстве храма все шло тихомирно. Вершину холма выровняли, кустарники и молодые деревца расчистили, вырыли яму под фундамент. Мы с Факварлом выте-
сали множество первосортных белокаменных блоков, правильных, симметричных, таких гла-
деньких, что сам царь мог бы с них кушать без тарелки. Однако отвратительный мелкий согля-
датай Хабы, Гезери, их все равно обругал. Он материализовался на уступе у нас над головой
и принялся неодобрительно разглядывать нашу работу.

– Плоховато, ребята! – сказал он, качая жирной зеленой башкой. – Вон, края неровные,
подшлифовать бы. Хозяин такую работу не примет, не-е, не примет!

– Иди-ка сюда, покажи, где именно, – ласково сказал я. – А то глаза у меня уже не те...

Фолиот соскочил с уступа и вразвалочку подошел поближе.

– Все вы, джинны, одинаковые! Самодовольные, бесполезные пустышки, как я вас назы-
ваю. Был бы я вашим хозяином, я бы вас каждый день Чумой прикладывал, просто затем,
чтобы... Ай!

В ближайшие несколько минут Гезери более не изрекал подобных перлов мудрости,
потому что я деловито шлифовал края блоков его физиономией. Когда я закончил, камень
сделался гладеньким, как детская попка, а физиономия Гезери сплющилась, точно наковальня.

– Да, ты был прав, – сказал я. – Так они выглядят гораздо лучше. Ты, кстати, тоже.

Фолиот яростно заскакал на месте.

– Да как ты смеешь! Я про тебя все расскажу, вот увидишь! Хаба уже на тебя глаз поло-
жил! Он только и ждет предлога, чтобы швырнуть тебя в Бедственный Огонь! Вот сейчас пойду
и расскажу...

– Иди-иди! А это тебе на дорожку... – И, руководствуясь чистым фолиотолюбием, я ухва-
тил Гезери, завязал ему руки и ноги замысловатым узлом и впечатляющим пинком отправил
его за пределы карьера.

Он приземлился где-то на стройплощадке. Сверху донесся приглушенный визг.

Факварл наблюдал за всем происходящим, милостиво улыбаясь.

– Ты б поосторожнее, Бартимеус, – заметил он.

– А, меня и так каждый день лупят! – буркнул я. – Разом больше, разом меньше – разница
невелика!

Но волшебник был слишком занят даже для того, чтобы мучить нас. Большую часть сво-
его времени он проводил в шатре на краю стройплощадки, изучая планы будущего здания и
принимая бесов-посланцев из дворца. Посланцы приносили все новые и новые указания каса-
тельно того, каким надлежит сделать храм: там медные столбы, тут кедровые полы, – кото-
рые Хабе приходилось незамедлительно включать в планы. Нередко ему приходилось дважды

перепроверять изменения, сравнивая их с тем, что уже сделано, так что каждый раз, когда я притаскивал свой блок на стройплощадку, мне представлялся случай за ним понаблюдать.

Результаты наблюдений были неутешительные.

Первое, на что я обратил внимание, – это что тень Хабы всегда лежит у его ног, волочась за ним по земле. Она оставалась позади него, где бы ни находилось солнце: не впереди, не сбоку, всегда только сзади. Второе было еще более странным. Волшебник редко выходил наружу, когда солнце стояло в зените²⁸, но когда он все же появлялся, бросалось в глаза то, что, хотя все прочие тени вокруг были короткими и почти незаметными, его тень по-прежнему оставалась длинной и узкой, словно вечером или ранним утром.

Тень более или менее соответствовала силуэту своего обладателя, однако была вся какая-то вытянутая. Мне почему-то особенно не нравились эти длинные, тонкие руки и пальцы. Обычно они двигались одновременно с движениями волшебника – но не всегда. Как-то раз, когда я помогал ставить блок на место, Хаба наблюдал за нами со стороны. И я краем глаза увидел, что, хотя сам волшебник стоит, скрестив руки на груди, у его тени руки сложены иначе, словно лапки богомола. Я стремительно обернулся – но нет, руки у тени были скрещены так, как им и следовало быть.

Как заметил Факварл, тень выглядела совершенно одинаково на всех семи планах, что само по себе было крайне угрожающе. Я вам не бес и не фолиот, я могучий джинн, повелевающий всеми семью планами, и, как правило, я способен видеть все магические обманки насквозь. Иллюзии, Сокрытия, Мороки, Завесы, что угодно: стоит мне переключиться на седьмой план, как все они рассыпаются на глазах, становясь вполне очевидными слоями светящихся вуалей и нитей, сквозь которые видно то, что есть на самом деле. То же самое и с обличами духов: покажите мне милого, благовоспитанного мальчика или улыбчивую тетеньку, и я вам покажу жуткого клыкастого стригоя²⁹, каковыми они являются на самом деле³⁰. Короче, на свете очень мало вещей, способных укрыться от моего взора.

Но эта тень была одной из таких вещей. Сквозь ее Завесу ничего видно не было.

Факварлу повезло не больше моего, как он признался однажды вечером у костра.

– Должно быть, это тварь очень высокого уровня, – буркнул он. – Существо, способное обмануть нас на седьмом плане, наверняка уж не джинн. Думаю, Хаба притащил его с собой из Египта. Ты не знаешь, Бартимеус, что бы это могло быть? Ты там в последние несколько веков провел больше времени, чем я.

Я пожал плечами.

– Катакомбы Карнака очень глубоки. Я никогда не забирался в них далеко. Нужно быть осторожными...

На следующий день я осознал, насколько осторожными нам следует быть. Нам нужно было выровнять портик храма, и я взобрался по лестнице, чтобы посмотреть, как обстоят дела наверху. Я забился в узкую щель между двумя блоками и возился с линейкой и отвесом, когда по утрамбованной земле подо мной прошел волшебник. Его перехватил мелкий бес-посланец, появившийся со стороны дворца с посланием в лапе. Волшебник остановился, взял восковую табличку с посланием, быстро прочел его. Тень его при этом, как обычно, лежала позади него, тонкая и длинная, хотя близился полдень. Волшебник кивнул, сунул табличку в поясную сумку и пошел дальше своей дорогой; бес же бесцельно и расхлябанно, как то свойственно его роду, побрел в противоположном направлении, ковыряясь по пути в носу. При этом он на миг поравнялся с тенью. Я увидел стремительное, размытое движение, услышал отрывистый хруст – и

²⁸ В это время он предпочитал оставаться в шатре, и фолиоты в обличье скифских мальчиков-рабов оведали его опухшими и кормили его сладостями и замороженными фруктами. Вполне разумно с его стороны.

²⁹ Стригой – малопочтенная разновидность джиннов низшего разряда, бледная ночная тварь, склонная пить кровь живых существ. Ну, представьте себе суккуба, только без пышной фигурки.

³⁰ Не все, конечно. Только некоторые. Например, вот ваша мама вне подозрений. Почти наверняка.

беса не стало. Тень потекла прочь следом за волшебником; перед тем, как скрыться из виду, она повернула свою плоскую голову и взглянула на меня. В этот миг ничего человеческого в ней не было.

Я трясущимися руками закончил свои измерения и кое-как спустился с портика. В данных обстоятельствах от волшебника Хабы лучше было держаться как можно дальше. Залечь на дно, работать на совесть и, главное, не привлекать к себе внимания! Это лучший способ избежать неприятностей.

Я продержался целых четыре дня. А потом стряслась беда.

10

Ашмира

Гавань Эйлат поразила Ашмиру. Она прежде не видела городов, кроме Мариба и соседней Сирвы, до которой было тридцать миль через поля. Как многолюдны они ни бывали по временам, особенно в праздничные дни, они все же в любое время сохраняли определенную упорядоченность. Жрицы ходили в своих золотых одеяниях, горожане – в простых белых или голубых туниках. Когда в город приходили горцы, их было сразу видно со сторожевых постов по их длинным красно-бурым одеждам. Любая стражница с первого взгляда могла оценить толпу и выделить возможные источники угрозы.

В Эйлате все было далеко не так просто.

Улицы тут были широкие, а здания – не выше двух этажей. Ашмире, привычной к прохладной тени высоких башен Савы, этот город казался каким-то бесформенным, расплывшейся массой низких беленых стен, пугающим лабиринтом, по которому струился бесконечный поток людей. Шагали богато одетые египтяне с блестящими на груди амулетами, следом за ними рабы тащили ящики, сундуки, скалящихся бесов в раскачивающихся клетках. Жилистые обитатели Пунта, маленькие, ясноглазые, с мешками смолы, раскачивающимися у них на спине, пробирались мимо лотков, где торговцы из Куша предлагали осторожному путнику серебряные обереги от джиннов и талисманы от духов. Черноокие вавилоняне спорили с бледнокожими людьми рядом с телегами, нагруженными мехами и шкурами со странными узорами. Ашмира заметила даже группу савейцев, прибывших на север тяжким путем через пустыню с грузом ладана.

На крышах безмолвно восседали твари в обличье кошек и птиц. Твари пристально следили за тем, что творилось внизу.

Стоя у ворот, Ашмира брезгливо наморщила нос: из владений царя-мага несло неупорядоченной магией. Она купила чечевицы с пряностями в ларьке, встроенном в городскую стену, и нырнула в толпу. Мутный поток подхватил, закружил, поволок; толпа поглотила ее.

И тем не менее, не успев пройти и десятка метров, Ашмира поняла, что ее преследуют.

Бросив взгляд в сторону, она заметила, как тощий человек в длинном белесом одеянии оторвался от стены, у которой он стоял, и побрел по дороге следом за ней. Немного времени спустя, два раза произвольно поменяв направление, она снова обернулась – и снова обнаружила его: он брел следом, смотрел себе под ноги, словно зачарованный клубами пыли, которые он поднимал на каждом шагу.

Шпион Соломона? Уже? Маловероятно: она пока не сделала ничего такого, что могло бы привлечь к ней внимание. Ашмира не спеша пересекла улицу, пышущую белым полуденным жаром, и нырнула под навес хлеботорговца. Она стояла в душной тени над корзинами, вдыхая аромат сложенных стопкой хлебов. Краем глаза она увидела, как между покупателями торговавшего рядом рыбника мелькнула белесая одежда.

Морщинистый старик сидел на корточках между корзинами с хлебом и жевал беззубым ртом свой кат. Ашмира купила у него тонкую пшеничную лепешку и спросила:

– Уважаемый, мне нужно попасть в Иерусалим, срочно. Как это быстрее всего сделать?

Старик нахмурился: ее арабский выговор был для него непривычен и он с трудом понимал ее.

– Караваном.

– А откуда уходят караваны?

– С рыночной площади, от фонтанов.

– Понятно. А где эта площадь?

Он долго размышлял, его челюсть медленно, ритмично двигалась по кругу. Наконец он сказал:

– У фонтанов.

Ашмира нахмурилась, раздраженно выпятила нижнюю губу. Она обернулась в сторону рыбного лотка.

– Я с юга, – сказала она. – Я не знаю города. Так что, караваном быстрее всего? А то я думала, может, колесницей...

– Ты одна, что ль, путешествуешь? – спросил старик.

– Да.

– А-а!

Он открыл беззубый рот и коротко хохотнул.

Ашмира уставилась на него:

– А что?!

Старик пожал костлявыми плечами.

– Ты молоденькая и – если только под твоим покрывалом не прячется неприятных сюрпризов – хорошенькая. Да еще и одна. По моему опыту, у тебя не много шансов благополучно выбраться из Эйлата, я уж не говорю – добраться до Иерусалима. Но впрочем, пока ты еще жива и при деньгах, почему бы тебе их не тратить? Такая уж у меня философия. Может, купишь у меня еще одну лепешку?

– Спасибо, не надо. Я спрашивала насчет Иерусалима!

Старик взглянул на нее оценивающе.

– Работорговцы тоже неплохо зарабатывают, – задумчиво сказал он. – Временами я жалею, что не подался в работорговцы... – Он послунывил палец, протянул волосатую руку и поправил стопку лепешек в соседней корзине. – Как еще можно добраться? Ну, будь ты волшебницей, могла бы долететь туда на ковре-самолете. Это быстрее, чем караваном.

– Я не волшебница, – сказала Ашмира... И поправила кожаную котомку на плече.

Старик крикнул.

– Оно и к лучшему, потому что если бы ты полетела в Иерусалим на ковре-самолете, он увидел бы тебя с помощью Кольца. Тогда тебя схватил бы демон, утащил бы прочь и подверг всяким ужасным мучениям. Ну а бублик хочешь?

Ашмира кашлянула.

– Я думала, может быть, можно нанять колесницу...

– Колесницы – это для цариц, – ответил хлеботорговец. И захохотал, разинув рот, зияющий пустотой. – Ну или для волшебников!

– Я не царица и не волшебница, – сказала Ашмира.

Она забрала лепешку и ушла. Мгновением позже тощий человек в белесом одеянии растолкал покупателей у рыбного лотка и выскользнул наружу, в ослепительный полуденный жар.

Нищий торчал на своем месте у входа на базар с рассвета, когда с утренним приливом к причалам Эйлата пришли новые корабли. У купцов на поясе болтались тяжелые кошельки, и нищий пытался облегчить их двумя разными способами. Его стоны, мольбы и жалостные вопли, а также гордо выставленный напоказ иссохший обрубок ноги всегда вызывали достаточно отвращения, чтобы в его плошку упало несколько сиклей. А тем временем его бес, затесавшись в толпу, срезал кошельки и очищал карманы. Солнце припекало вовсю, дела шли неплохо, и нищий уже подумывал убраться в ближайшую винную лавку, когда к нему подошел тощий человек в длинном белесом одеянии. Он остановился, глядя себе под ноги.

– Приметил кой-кого, – сказал он.

Нищий насупился:

– Сперва монету брось, потом языком чеши! Надо же вид делать! – Он подождал, пока пришедший послушался. – Ну, выкладывай, – сказал он. – Где он?

– Не он, а она, – кисло ответил тощий. – Девка, пришла с юга нынче утром. Путешествует одна. Хочет попасть в Иерусалим. Сейчас пошла покупать верблюда.

– Много у ней при себе, как ты думаешь? – спросил нищий, щурясь из своего угла. Он сердито взмахнул палкой: – Да отойди ты, не засти мне солнце, будь ты проклят! Я колченогий, а не слепой!

– Не такой уж ты и колченогий, насколько я знаю, – отпарировал тощий, отступая на пару шагов в сторону. – Одежда у нее под плащом добротная, и при себе сумка, туда тоже стоит заглянуть. Но она и сама по себе денег стоит, если ты понимаешь, о чем я.

– И что она, совсем одна? – Нищий уставился вдоль улицы и почесал щетину на подбородке. – Ну ладно, караван все равно уходит только завтра, так что ей поневоле придется заночевать в городе. Выходит, спешить нам некуда. Ступай, найди Интефа. Если он пьян – растолкай. А я пойду на площадь, посмотрю, что там происходит. – Нищий раскачался и на удивление ловко вскочил, опираясь на палку. – Давай проваливай! – сердито буркнул он. – Найдешь меня на площади. А если она куда-нибудь уйдет, ищи меня по голосу.

Он взмахнул своей палкой и, кривясь и дергаясь, побрел прочь. Он давно уже скрылся из виду, но его мольбы о подаении были слышны издалека.

– Нет, девушка, я мог бы продать тебе верблюда, – говорил купец, – но это как-то не принято. Пришли ко мне своего отца или брата: мы с ними выпьем чаю, пожую ката, обсудим все, как водится между мужчинами. Я вежливо упрекну их за то, что отпустили тебя одну. Здешние улицы жестоки к молодым девицам, им ли не знать!

Время было к вечеру, персиково-оранжевый свет, пробивающийся сквозь ткань шатра, лениво струился на ковер и подушки и на сидящего на них торговца. Рядом лежала стопка глиняных табличек, часть из них старые и высохшие, часть – еще сырые, только частично покрытые заметками торговца. Перед ними были аккуратно разложены и расставлены стилус, табличка, кубок, кувшин с вином. С крыши у него над головой свисал оберег от джиннов, который медленно кружился от слабого движения воздуха.

Ашмира оглянулась назад, на задернутый полог шатра. Торговля на площади шла на убыль. Мимо быстро промелькнула пара теней. Обе были ей незнакомы: ни одна не брела, опустив голову и глядя себе под ноги, как ее преследователь... И тем не менее наступал вечер, не стоит оставаться одной после наступления темноты. Вдалеке послышались гнусавые вопли нищего.

Она сказала:

– Тебе придется иметь дело со мной.

Широкое лицо купца даже не шевельнулось. Он опустил глаза к табличке, его рука потянулась за стилусом.

– Я занят, девушка. Пусть придет твой отец.

Ашмира взяла себя в руки, сдержала гнев. Это был уже третий такой разговор за сегодняшний день, а тени все удлинялись. У нее двенадцать дней до атаки на Мариб, а караван до Иерусалима идет десять.

– Я щедро заплачу, уважаемый, – сказала она. – Назови свою цену!

Купец поджал губы и, помедлив секунду, отложил стилус.

– Покажи, чем ты собираешься платить.

– А какова твоя цена?

– Девушка, через несколько дней сюда придут златоторговцы из Египта. Им нужно будет в Иерусалим, они скупят всех верблюдов, что у меня есть. Они расплатятся со мной мешочками золотой пыли или, быть может, самородками из нубийских копей, усы у меня свернутся

от удовольствия, я на месяц сложу свой шатер и уйду веселиться на улицу Вздохов. Что ты можешь показать мне в ближайшие пять секунд, что заставило бы меня отдать тебе одного из моих прекрасных, темнооких верблюдов?

Девушка сунула руку под плащ и достала снова. На ладони у нее сверкал камень величиной с абрикос.

– Это голубой алмаз из Хадрамаута, – сказала она. – Ограненный на пятьдесят граней и хорошо отшлифованный. Говорят, сама царица Савская носит такой на своем головном уборе. Дай мне верблюда, и он твой.

Купец застыл неподвижно; персиково-оранжевый свет падал ему на лицо. Он покосился в сторону задернутого полога, за которым приглушенно гудел базар. Кончик языка пробежал по губам.

Купец сказал:

– Можно было бы поинтересоваться, много ли у тебя при себе подобных камушков...

Ашмира шевельнулась так, чтобы плащ на ней распахнулся; она опустила руку на рукоять кинжала, торчащего у нее из-за пояса.

– Но лично мне, – благодушно улыбаясь, продолжал купец, – подобной платы более чем достаточно! Что ж, по рукам?

Ашмира кивнула.

– Я очень рада. Давай сюда моего верблюда.

– Она идет по Пряной улице, – доложил тощий. – Верблюда оставила на площади. Его снаряжают на завтра для отъезда. Расходов она не жалеет. Балдахин и все такое. У нее в этой сумочке полно денег!

Говоря так, он играл с длинной полоской ткани, вертя ее между пальцев.

– На Пряной народу многовато, – сказал нищий.

– На Чернильной?

– Да, годится. Вчетвером управимся!

То, что Ашмира сказала хлеботорговцу, было правдой. Она не была волшебницей. Но это не значит, что она была несведуща в магии.

Ей было девять лет, когда к ней, упражнявшейся во дворе, подошла мать-стражница.

– Ашмира., идем со мной.

Они пришли в тихую комнату над тренировочным залом, где Ашмира никогда не бывала. Внутри стояли старинные кедровые столы и шкафы. За полураскрытыми дверцами шкафов виднелись охапки папирусных свитков, стопки глиняных табличек и черепков, испещренных знаками. Посередине комнаты на полу были начерчены два круга, в каждый из которых была вписана пятиконечная звезда.

Ашмира нахмурилась, откинула со лба прядь волос.

– Это что такое?

Старшей матери-стражнице было сорок восемь лет. Некогда она была главной царской стражницей. Она подавила три мятежа на Хадрамауте. На ее морщинистой шее виднелся узкий белый шрам от меча, и еще один – на лбу, и все сестры относились к ней с почтительным благоговением. Даже сама царица обращалась к ней несколько заискивающе. Мать-стражница взглянула сверху вниз на насупившуюся девочку и мягко сказала:

– Говорят, ты хорошо учишься.

Ашмира смотрела на папирусный свиток, лежащий на столе. Он был густо исписан замысловатыми значками, а в центре несколькими уверенными линиями была нарисована мрачная фигура, наполовину дымный силуэт, наполовину скелет. Девочка пожала плечами.

Мать-стражница продолжала:

– Я видела, как ты меташь кинжалы. В твоём возрасте я метала их хуже, и твоя мать тоже.

Девочка не взглянула на неё, и лицо её не изменилось, но костлявые детские плечики напряглись. Она спросила так, будто не слышала предыдущих слов:

– А что это за магическая дребедень?

– А ты как думаешь?

– Это чтобы вызывать из воздуха демонов. Я думала, это запрещено. Матери-стражницы говорят, что это дозволяется делать только жрицам. – Её глаза сверкнули. – Или вы все лгали?

В следующие три года старшей матери-стражнице бесчисленное количество раз случалось лупить девочку – за отлынивание, за непослушание, за наглость. Но сейчас она кротко сказала:

– Послушай, Ашмира. Я хочу предложить тебе две вещи. Одна – это знание, вторая...

Она вытянула руку. На пальцах у неё висело серебряное ожерелье, и на нём – подвеска в виде солнца. Увидев её, девочка ахнула.

– Нет нужды говорить, что она принадлежала твоей матери, – сказала старшая мать-стражница. – Нет, сейчас ты её не получишь. Выслушай меня.

Она дождалась, пока Ашмира поднимет голову. Лицо у девочки было напряжённое, враждебное, она с трудом сдерживала свои чувства. Мать-стражница продолжала:

– Мы тебе не лгали. В Саве действительно запрещено заниматься магией кому бы то ни было, кроме храмовых жриц. Только они могут вызывать демонов обычным способом. И это не случайно! Демоны – злобные, коварные твари, опасные для всех. Подумай о том, как ненадежны горные племена! Если бы любой из вождей мог вызвать джинна, поссорившись с соседями, у нас бы случалось по дюжине войн ежегодно и половина народа погибла бы! Но жрицы могут направлять силу джиннов во благо. Как ты думаешь, кто построил нашу плотину или хотя бы те же городские стены? Каждый год они помогают ремонтировать башни и расчищать каналы.

– Это я знаю, – сказала Ашмира. – Они выполняют поручения царицы, так же как люди, что трудятся на полях.

Старшая мать-стражница хихикнула.

– Верно. Джинны вообще во многом похожи на людей: если обращаться с ними достаточно сурово и не давать им ни малейшей возможности причинить тебе зло, им можно найти немало полезных применений. Но дело вот в чём. Магия нужна и страже тоже, по одной важной причине. Наш долг, весь смысл нашего существования, состоит в том, чтобы защищать нашу владычицу. Обычно мы полагаемся на свои телесные навыки, но иногда этого недостаточно. Если на царицу нападет демон...

– С ним управится серебряный кинжал! – бросила девочка.

– Иногда – да, но не всегда. Стражнице нужны и другие способы защиты. Есть определённые слова, Ашмира, определённые магические талисманы и заклинания, которые способны на время лишить магической силы демона послабее. – Старшая мать-стражница подняла ожерелье, и подвеска-солнышко закачалась, посверкивая в лучах света. – Ты верно говоришь, духи терпеть не могут серебра, и подобные обереги придают силы использованному заклинанию. Я могу выучить тебя всему этому, если захочешь. Но для этого нам придётся вызывать демонов, чтобы практиковаться. – Она указала на загромождённую комнату. – Именно за этим мы обустроили здесь это помещение.

– Я не боюсь демонов!

– Вызывать демонов опасно, Ашмира., а мы ведь не волшебницы. Мы изучаем только самые простые заклинания, чтобы проверить наши обереги. Если мы чересчур торопливы или небрежны, мы платим страшную цену. Низшим стражницам это ни к чему, и я не стану принуждать тебя учиться. Если хочешь, можешь уйти отсюда и никогда более не возвращаться.

Девочка не сводила глаз с вращающегося солнышка. Его отблески огнем вспыхивали у нее в глазах.

– А моя мать владела этим искусством?

– Владела.

Ашмира протянула руку.

– Тогда учи меня. Я буду учиться.

Возвращаясь на постоянный двор, где Ашмира собиралась переночевать, она смотрела в просветы между темными домами, на россыпь мерцающих звезд. Вот в небе мелькнула яркая полоска, вспыхнула и пропала. Падучая звезда? Или еще один из Соломоновых демонов полетел сеять ужас в чужие земли?

Она стиснула зубы, ногти впились в ладони. Она попадет в Иерусалим не раньше чем через десять дней – и это если не случится песчаных бурь, которые могут задержать караван! Десять дней! А через двенадцать дней Соломон повернет Кольцо – и на Саву обрушатся смерть и разрушения! Девушка зажмурилась и принялась глубоко дышать, как ее учили делать, когда переживания угрожают захлестнуть с головой. Прием подействовал: она успокоилась.

Когда Ашмира открыла глаза, на дороге у нее стоял мужчина.

В руках он держал длинную матерчатую полосу.

Ашмира остановилась, глядя на него.

– Тихо, тихо! – сказал мужчина. – Не надо шуметь!

И улыбнулся. Сверкнули белые, очень белые зубы.

Ашмира. услышала за спиной шаги. Обернувшись, она увидела, что ее догоняют еще трое, один из них колченогий калека, опирающийся на костыль. Она разглядела веревки, приготовленный загодя мешок, ножи за поясом, влажный блеск улыбающихся глаз и губ. На плече у колченогого восседал черный бесенок, разминая грязные желтые когти.

Ее рука дернулась к поясу.

– Тихо, тихо! – повторил человек с полоской ткани. – А то больно сделаю!

Он сделал еще шаг, охнул и завалился назад. В звездном свете сверкнуло лезвие кинжала, торчащее из глаза.

Не успел он коснуться земли, как Ашмира развернулась, нырнула под тянущуюся к ней руку и выхватила нож из-за пояса того мужчины, что находился ближе всех. Танцующим движением увернулась от третьего, который пытался накинуть ей на голову петлю из проволоки, стремительными ударами убила обоих и обернулась к четвертому.

Колченогий остановился в нескольких метрах от нее, лицо у него вытянулось, челюсть отвисла от изумления. Теперь он издал долгий рык и щелкнул пальцами. Бесенок захлопал крыльями и с визгом ринулся на Ашмиру. Ашмира подпустила его поближе, дотронулась до своего серебряного ожерелья, произнесла Слово Силы. Бесенок превратился в огненный шар, шар по спирали отлетел в сторону, ударился о стену и рассыпался дождем гневных искр.

Пламя еще не угасло, как калека бросился прочь по улице, отчаянно стуча палкой по мостовой.

Ашмира. уронила на землю испачканный нож. Подошла к своей сумке, присела, распутала завязки и достала второй серебряный кинжал. И, вращая его в пальцах, оглянулась.

Нищий был уже далеко, он ковылял, опустив голову, тряся лохмотьями, дергаясь и подпрыгивая, далеко выбрасывая палку. Еще несколько шагов – и он добежит до угла и скроется из виду.

Ашмира тщательно прицелилась.

Вскоре после рассвета следующего дня горожане, вышедшие из своих домов на углу Чернильной и Пряной улиц, обнаружили неаппетитное зрелище: четыре труп, сидящие рядом

вдоль стены и раскинувшие свои семь ног поперек дороги. Все они были известными работниками и мошенниками; каждый был убит одним ударом.

Примерно в это же время с центральной площади Эйлата выступил караван из тридцати всадников, направляющийся в Иерусалим. Среди них была и Ашмира.

11

Бартимеус

Я считаю, что во всем виноват Бейзер. Была его очередь караулить, но ему было чересчур уютно там, на кипарисе, и его разморило от полуденной жары и запаха смолы, тем более что он использовал в качестве подушки удобного пухлого бесенка. Короче, Блейзер задремал и прозевал появление Соломона. А это надо еще суметь: во-первых, царь был довольно высок ростом, а во-вторых, его сопровождали семеро волшебников, девять придворных, одиннадцать рабов, тридцать три воина и изрядная доля его семисот жен. Один только шум одежд мог сойти за шум леса в грозу, а поскольку придворные при этом орали на рабов, рабы размахивали пальмовыми листьями, воины гремели мечами, а жены непрерывно бранились на дюжине языков сразу, не заметить Соломона со свитой было чрезвычайно трудно. Так что даже и без Бейзера работы на стройплощадке быстро замерли. Все работники остановились.

Кроме меня.

Штука в том, что я был крайним: я притаскивал из карьера каменные блоки весом в полтонны каждый, подбрасывал их в воздух, ловил на кончик пальца, изящно раскручивал и перебрасывал Тивоку, который ждал у храма. Тивок же передавал камень Нимшику, Факварлу, Хосрову или кому-то еще из джиннов, которые кружили над недостроенным храмом в самых разных нездешних обликах³¹. Ну а потом – стремительный бросок на место, стремительное выравнивающее заклинание, и Соломонов храм становился на шаг ближе к завершению. На все про все, от карьера до стены, уходило примерно тридцать пять секунд. Отлично! Любой работодатель был бы в восторге от такой скорости.

Любой, да – кроме Соломона. Его, видите ли, не устраивало, чтобы храм строился таким образом³².

Обратите внимание, что за эти несколько дней работы существенно продвинулись. Пока рядом постоянно вертелись Хаба с Гезери, дело шло ни шатко ни валко, мы трудились в поте лица, вынужденные сохранять человеческий облик. Но потом все пошло на лад. Возможно, волшебник успокоился, видя наше послушание и то, что строительство храма идет неплохо, и стал реже бывать на стройке. Вскоре и Гезери тоже удалился. Поначалу мы, опасаясь плетки, вели себя хорошо. Но на второй день, будучи по-прежнему предоставлены сами себе, мы расслабились. Быстренько устроили голосование, и, шестью голосами против двух³³, приняли решение работать по-новому. Что не замедлило сказаться на эффективности работ.

Мы выставили часового и славно проводили время за бездельем, азартными играми, метанием бесов и философскими диспутами. Время от времени, когда хотелось поразмяться, мы закидывали несколько камней на места с помощью магии, чтобы со стороны казалось, будто мы и вправду работаем. Это значительно улучшило нашу повседневную жизнь.

³¹ Большинство из них были крылатые. У Факварла крылья были кожистые, у Хосрова – оперенные, крылья Нимшика сверкали чешуей летучей рыбы. Ксоксен, как всегда, не мог не выпендриться: он скакал вдоль портика храма на огромных лягушачьих лапах, в результате чего его блоки садились обычно сикось-накось.

³² Небо его знает, чего он так переживал из-за этого храма. В начале его правления воинство духов быстренько отгрохало ему целый Иерусалим, возводя кварталы за пару дней и прикрывая последствия небрежной работы грамотно пристроенными иллюзиями. С самим дворцом, понятное дело, возни было куда больше, и стены города стояли ровно – если их, конечно, не толкать. Но этот храм Соломон отчего-то непременно желал возвести вручную, безо всяких там магических уловок. Спрашивается: и на фиг тогда использовать джиннов?

³³ Тивок с Хосровом были против: Тивок обосновывал это какими-то замысловатыми магическими тонкостями, содержащимися в пятьдесят первом пункте условий, на которых он был призван, ну, а Хосров просто потому, что он трус.

К несчастью, именно во время одной из этих кратких вспышек активности Соломон, которому раньше никогда не приходило в голову нас посетить, зачем-то вздумал явиться на стройку. А я, по милости Бейзера, это прозевал.

Так-то все было в порядке, можете мне поверить. Когда царская свита, лязгая, тараторя и топоча, остановилась наконец перед храмом, мои товарищи благополучно успели обернуться людьми и смиренно стояли на своих местах, долбя камень долотом, такие лапушки – воды не замутят!

Ну а я?

Я так и остался карликовым гиппопотамом в юбочке³⁴, распевая скабрёзные песенки о личной жизни Соломона и жонглирующим огромным камнем, поднимаясь из карьера на стройплощадку.

Увлёкшись своими куплетами, я даже и не заметил, что что-то не так. И, как обычно, взмахнул бородавчатой рукой и швырнул камень.

Камень, как обычно, по аккуратнейшей плавной дуге полетел к углу храма, где стоял Тивок.

Точнее, сейчас он там не стоял: он, кланяясь и расшаркиваясь, отступил перед Соломоном, желавшим осмотреть портик. А вместе с Соломоном явились его волшебники, придворные, воины, рабы и жены, и все они старались подойти поближе, купаясь в лучах царственного величия.

Они услышали мое пение. Они повернули головы и вытянули шеи. Они увидели камень весом в полтонны, летящий в них по аккуратнейшей плавной дуге. Они, пожалуй, еще успели бы жалостно возопить, прежде чем этот камень раздавил бы их в лепешку.

Но Соломон всего лишь коснулся Кольца, которое было источником и секретом его власти. Планы дрогнули. Из-под земли выскочили четверо крылатых маринов, объятых изумрудным пламенем. Марины поймали камень за четыре угла и остановили его всего в нескольких дюймах от головы великого царя³⁵.

Соломон снова коснулся Кольца, и из-под земли выскочили девятнадцать ифритов, которые подхватили соответствующее количество жен, упавших в обморок³⁶.

Потом Соломон коснулся Кольца в третий раз, и из-под земли выскочила ватага дюжих бесов. Бесы схватили гиппопотама в юбочке, который как раз собирался тихо и незаметно смыться обратно в карьер, связали его по рукам и ногам шипастыми узами и поволокли по земле туда, где стоял великий царь. Царь многозначительно притопывал сандалией и выглядел весьма раздраженным.

И, невзирая на мою фирменную отвагу и твердость духа, известную повсюду, от пустыни Сур до гор Ливанских, гиппопотам судорожно сглатывал, волочась по земле: когда Соломона что-то раздражало, окружающие обычно об этом узнавали. Он, конечно, был мудрый и все такое, но что на самом деле позволяло ему добиваться своего – это его репутация человека, раздражать которого смертельно опасно. Ну и треклятое Кольцо, разумеется³⁷.

Марины бережно опустили камень на землю перед царем. Бесы швырнули меня вперед, так что я самым жалким образом плюхнулся наземь, ударившись об этот камень. Я поморгал, сел, выплюнул набившиеся в рот камушки и попытался обаятельно улыбнуться. Свита с отвращением загудела, и несколько жен снова грохнулись в обморок.

³⁴ Гиппопотам в юбочке – это был остроумный намек на одну из главных жен Соломона, ту, что родом из Моава. Ребячество? Да, конечно. Но до того как изобрели печатный станок, возможности для сатиры были весьма ограниченны...

³⁵ Вообще-то чистая показуха. Для такого камня хватило бы и обыкновенного джинна.

³⁶ Вот, опять же. Неужели для того, чтобы подхватить жену, необходимо вызывать ифрита? Ну разве что ту, которая из Моава...

³⁷ Наверное, мне еще повезло, что он только коснулся этой дряни, а не повернул ее. Если повернуть Кольцо, его ужасный Дух призывал по-настоящему мерзких тварей.

Соломон поднял руку; все затихло.

Разумеется, это был первый раз, когда я видел его вблизи, и, надо признаться, он меня не разочаровал.

В нем было все, о чем только может мечтать средний ближневосточный деспот: темные глаза, смуглая кожа, длинные, блестящие волосы и больше побрякушек, чем в любой ювелирной лавке на столичном базаре. Похоже, он кое-чего поднабрался и у египтян: глаза у него были густо подведены сурьмой, как у фараонов, и, как и они, Соломон распространял вокруг себя целое облако несочетающихся благовоний и ароматов. Ну как Бейзер мог не почуять хотя бы этой вони?

А на пальце у него что-то сверкало – так ярко, что я едва не ослеп.

Великий царь стоял надо мной, перебирая браслеты на руке. Он тяжело дышал; лицо его, казалось, было искажено от боли.

– Подлейший из подлых, – негромко произнес он, – который ты из моих слуг?

– Я – Бартимеус, о господин, да живешь ты вечно!

Я с надеждой сделал паузу; выражение царского лица не переменилось.

– Мы прежде не имели удовольствия беседовать с тобой, – продолжал я, – однако я уверен, что дружеское общение пойдет на пользу нам обоим. Разреши представиться. Я – дух, известный своей мудростью и здравомыслием, беседовавший некогда с самим Гильгамешем, и...

Соломон воздел точеный палец, и, поскольку на пальце было Кольцо, я, можно сказать, поймал на лету большую часть того, что хотел сказать, и поспешно проглотил. Как говорится, помолчи – за умного сойдешь. Но это еще не все.

– Ты, кажется, один из возмутителей спокойствия, порученных Хабе, – задумчиво произнес царь. – Но где же сам Хаба?

Это был хороший вопрос; мы и сами задавались им уже несколько дней подряд. Но тут придворные зашевелились, и появился мой хозяин собственной персоной, побагровевший и запыхавшийся. Похоже, он бежал бегом.

– Великий Соломон! – выдохнул он. – Твой визит... я не знал... – Его взгляд упал на меня, влажные глаза расширились, и он издал кровожадный вопль: – Гнусный раб! Да как ты смеешь бросать мне вызов, являясь в подобном виде! Отступи подальше, великий царь! Позволь мне наказать эту тварь... – И он ухватился за сущностную плоть, висевшую на поясе.

Но Соломон снова вскинул руку:

– Постой, о волшебник! А где был ты в то время, как здесь нарушались мои указы? Погоди, я с тобой еще разберусь!

Хаба отступил назад с вытянутым лицом, тяжело дыша. Я обратил внимание, что его тень теперь сделалась совсем маленькой и безобидной.

А царь обернулся ко мне. У-у, каким тихим и мягким стал его голос! Роскошным и шелковистым, как шкура леопарда. И его, как и леопарда, не стоило гладить против шерсти.

– Почему же ты издеваешься над моими указами, а, Бартимеус?

Карликовый гиппопотам прокашлялся.

– Э-э... ну-у... мне кажется, «издеваешься» – это несколько сильно сказано, о великий владыка. Пожалуй, лучше было бы сказать «забываешь», оно и не настолько серьезно...

Один из других Соломоновых волшебников, безымянный, дородный, с лицом, похожим на перезрелую фигу, шарахнул меня Судорогой.

– Проклятый дух! Царь задал тебе вопрос!

– Да-да, я как раз намеревался на него ответить, – прохрипел я, корчась на камне. – Это был прекрасный вопрос... Очень точный... Глубокомысленный... – Я поколебался. – Так о чем мы говорили?

У Соломона, похоже, была привычка никогда не повышать голоса и всегда говорить медленно и размеренно. Полезная черта для политика: это окутывало его аурой власти. Вот и теперь он заговорил со мной, как со спящим младенцем:

– Когда этот храм будет завершен, Бартимеус, это будет святая святых, сердце моей религии и моего государства. По этой самой причине, как недвусмысленно говорилось в ваших инструкциях, я желаю, чтобы он был построен – цитирую: «со всем возможным старанием, без каких-либо магических уловок, непочтительных выходок и звероподобных обличий».

Гиппопотам в юбочке нахмурился.

– Помилуйте, да кому бы такое и в голову пришло?

– Ты нарушил мой указ по всем пунктам. Почему?

Ну, надо сказать, мне на ум пришло сразу множество отмазок. Некоторые из них были благовидными. Некоторые – остроумными. Некоторые блистали красноречием, не содержа при этом ни слова правды. Однако Соломон был чересчур мудр для всего этого. И я решил сказать правду, хотя и угрюмой скороговоркой:

– О могучий владыка, мне было скучно, и я хотел побыстрее управиться с работой.

Царь кивнул. От этого движения в воздухе поплыли волны жасминового масла и розовой воды.

– И что это за вульгарную песенку ты распевал?

– Э-э... которую? Я знаю так много вульгарных песенок...

– Ту, что про меня.

– Ах эту! – Гиппопотам сглотнул. – Да не обращай ты на это внимания, могучий повелитель, и так далее. Обо всех великих владыках их верные войска сочиняют похабные песенки. Это знак уважения, если хочешь. Слышал бы ты ту, которую мы сочинили про Хаммурапи! Он и сам, бывало, нам подпевал...

К моему великому облегчению, Соломон, похоже, купился. Он расправил плечи и огляделся по сторонам.

– А другие рабы, они тоже нарушали мои приказы?

Я знал, что об этом спросят. Я не то чтобы посмотрел на своих товарищей, но каким-то образом почувствовал, как они съежились, прячась за толпой: Факварл, Менес, Хосров и прочие, – обстреливая меня молчаливыми, но страстными мольбами. Я вздохнул и глухо ответил:

– Нет.

– Точно? Никто из них не пользовался магией? Никто не менял облик?

– Н-нет... Нет. Только я.

Он кивнул.

– Что ж, тогда их кара не постигнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.